

Виктор
Сенин

ЛИГА
ДОБРОВОЛЬНОЙ
СМЕРТИ

Виктор Сенин
Лига добровольной смерти

«Алетейя»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенин В. Т.

Лига добровольной смерти / В. Т. Сенин — «Алетейя», 2015

Роман об эвтаназии, праве человека на благое умирание, на смерть. Эвтаназия сегодня широко обсуждается во многих странах, в том числе и в России. Есть государства, где такое право предоставляется больному. Однако не покидает тревога, опасение того, что может произойти в обществе, если эвтаназии будет дана «зелёная улица», а контроль со стороны власти окажется минимальным. Не превратится ли эвтаназия в доходный промысел, бизнес, когда за сердце, печень или почки, умышленно доведя человека до смерти, можно получить большие деньги, продав донорские органы чёрным трансплантологам? Найдутся, обязательно найдутся! – дельцы и воспользуются попустительством, преступной деятельностью врачей и займутся торговлей человеческими органами. Повествование в романе построено на реальности нашего времени. Это роман-предупреждение. Автор предостерегает об опасности, которая может произойти от вседозволенности и алчности и приведёт к гибели невинных людей...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сенин В. Т., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Сенин

Лига добровольной смерти

Вместо предисловия

Сэр Эдвард Доунс – бывший дирижёр британской Королевской оперы, и его супруга Джоан умерли в один день и час. Оба были безнадежно больны. Умерли по собственному желанию в швейцарской клинике.

Взявшись за руки, муж и жена подняли бокалы с ядом. Их сын и дочь стояли рядом...

Эвтаназия, а проще – право человека на смерть, сегодня широко обсуждается во многих странах. Не только в Швейцарии, но и во Франции, Бельгии, Голландии, США (штат Орегон) эвтаназия – обыденный вид врачебного вмешательства.

В Германии бундестаг большинством голосов (317 против 233) поддержал законопроект, предоставляющий гражданам «право распоряжаться собственной жизнью». По статистике к этому времени уже каждый девятый житель Германии составил письменное распоряжение на случай, если в результате аварии или болезни он будет зависеть от искусственного поддержания жизни.

Председатель Социал-демократической партии Германии Иоахим Штюнкер, возглавлявший межфракционную группу, поддерживающую новый закон, после его принятия заявил журналистам: «Тем, кто не составил „распоряжение пациента“, мы ничего предписывать не собираемся. Но тот, кто решился на подобный шаг, должен знать, что их гарантированное конституционное право на самоопределение мы, то есть государство, будем уважать».

Возможность эвтаназии обсуждается и в России. Проект закона уже рассматривали в Совете Федерации.

Но не покидает беспокойство: не превратится ли эвтаназия при её легализации в доходный бизнес, когда закон станет инструментом нажима в руках иных корыстных людей? Основываясь на «распоряжении пациента», у которого есть шанс на выздоровление, шарлатаны могут настаивать на прекращении борьбы за жизнь, чтобы овладеть наследством, счетами в банке.

И среди врачей найдутся отщепенцы, кто ради наживы пойдёт на преступление. Ведь за сердце, печень или почки, если они здоровые, умышленно доведя человека до смерти, можно получить большие деньги. В клиниках Европы и Америки за донорскими органами очереди. И случаи торговли человеческими органами людей известны.

Столкнувшись с фактами беззакония, журналист Владимир Колчин из газеты «День» берётся за расследование. Он проникает в пансионат Лиги Добровольной Смерти, созданной предприимчивым доктором Рагнером Тоссом, где и проводится эвтаназия по завещанию пациентов. Раскрыв скрытую правду о происходящем в пансионате, сам Колчин оказывается на волосок от смерти...

Глава 1

*Вы познаете правду —
И эта правда сведёт вас с ума...*

Олдос Хаксли

Синица ударилась в окно, отлетела и с распростёртыми крыльями снова бросилась желтоватой грудкой с чёрной полосой на стекло оконной рамы. Птица билась отчаянно, пытаясь преодолеть преграду, словно хотела предупредить жильцов квартиры о надвигающейся опасности.

Подбежав, Рон Говард поспешил отогнать неразумную птаху. Отпугнув, стоял в замешательстве и обеспокоенно анализировал случившееся, стараясь понять, почему синица так отчаянно рвалась в дом. Недоброе предчувствие заставило Рона насторожиться. Он перебирал в памяти события последних дней, которым в занятости не придал значения, а должен был – во избежание неприятностей.

Говард вспомнил, как говорила бабушка, когда Рон оканчивал школу: бьётся птица в окно – жди перемен в жизни. В тот памятный день так же ударилась синица в их окно и свалилась на карниз.

А на следующий день пришла скорбная телеграмма: на пароме «Эстония», который затонул по пути в Швецию, погиб отец Рона. Парень очень любил отца. С ним были связаны лучшие годы детства. Многое отец и сын делали вместе: ездили на охоту, плавали по рекам, ходили в горы. И всё отец делал с радостью, открывая мальчику неизведанное, что познал сам, чему удивился когда-то. Мать наблюдала за ними, радуясь, что так ладят отец и сын, так им хорошо быть вместе.

Первые незамутнённые картины детства: отец идёт с ружьём по лесу, прислушиваясь к посвисту рябчиков, а Рон сидит у отца на закорках, покачиваясь в такт шагам и посматривая на стволы сосен и елей. Останавливаясь, отец указывает то на куст можжевельника, то на жимолость, объясняя пользу каждого растения. Отколупнёт кусок янтарной живицы, и предлагает жевать, добавляя при этом с увлечённостью школьника, что живица хорошо помогает при болезни дёсен.

Отец, отец... Тебя и сегодня не хватает Рону. Особенно в минуты, когда необходимо посоветоваться, найти поддержку и убедиться в правильности избранного тобой решения.

Чувствуя, что попал под влияние мнительности, Говард постарался успокоиться и дать ясный ответ на мучившие предубеждения, переведя импульсивное ощущение в область сознательного анализа.

– Не паникуй, – успокоила Рона жена. – Журналист пропавший объявится. Думаешь о нём много, потому и лезут в голову наваждения. Увидел синицу в окне и запаниковал, в приметы поверил.

– Запаникуешь... Прилетел человек из России, звонил по вечерам, и вдруг как в воду канул. Ни звонка, ни записки...

– Завертелся и забыл.

– Забыл... А люди переживают за него. Как иначе? Уехал в пансионат Лиги Добровольной Смерти и пропал...

– Научись спокойно анализировать происходящее, – ответила Хилеви. – Наивный ты человек. Трезво смотри на вещи. Русский не так прост, как выставляет себя. Говорю, как женщина. А женщину не проведёшь. Идеи мужчины превращаются в реальности лишь при взаимопомощи женского мозга...

– Еве тоже Господь запрещал вкушать плоды Древа познания, а Ева вкусила...

Беспокоился Говард не случайно. Администрация отеля, в котором остановился журналист из России, обратилась в полицию с заявлением об исчезновении гостя. Вещи лежат в номере, но сам Колчин, который день не появляется. Полиция проверила, кто за последний месяц обращался в пансионат Лиги по каким-то делам. Фамилии Владимира Колчина к удивлению Говарда в списке не обнаружили. А прилетел Колчин в Упсалу с одной целью: посетить пансионат Лиги Добровольной Смерти, встретиться с руководством. И бывал там не единожды, что доподлинно известно, и вдруг пропал...

Предчувствие не обмануло Говарда: жизнь пронырливого репортёра в это время висела на волоске. Если быть точным, Колчин висел в эти минуты на моноволокне сейлона шестисотого номера – нового материала особой прочности, разработанного в секретных лабораториях Министерства обороны России. На волокне сейлона и парил журналист над городом, удаляясь от опасного места дальше и дальше...

Событие не из приятных: исчез репортёр газеты «День» Владимир Колчин, личность в журналистских кругах известная. Работая в Москве, Колчин передавал материалы и для газеты «Свенска Дагбладет», в которой Говард руководит отделом новостей.

Именно Колчин передал по своим каналам в Стокгольм репортаж о секретном ядерном центре «Арзамас-1б», на базе которого русские испытывали новейшие образцы атомных и водородных бомб. Как Владимир добился разрешения на посещение центра, осталось тайной, но репортаж на Западе вызвал поистине эффект разорвавшейся бомбы, всколыхнул политические круги, конгресс США, Пентагон.

Репортаж перепечатали многие газеты. Конгресс США провёл экстренное закрытое заседание верхней палаты. О новости несколько дней спорили на заседаниях Генеральной ассамблеи ООН. Русских обвиняли в нарушении договорённостей о замораживании производства и испытаний ядерного оружия.

Умел Колчин добыть сенсационный материал и подать его так, чтоб пробудить широкий интерес и заставить заговорить о нём известные телеканалы и газеты. Интервью с осуждённым главой «ЮКОСа», откровенное, во многом нелицеприятное – его Колчин, как говорится, вывернул наизнанку, заставив признать недозволенные методы работы: неуплату налогов, подкуп и даже расправу с неугодными.

Наряду с этим осуждённый олигарх пролил свет на коррумпированную систему в министерствах и ведомствах, что и служит благодатной почвой для действий ловких и пронырливых дельцов, заставляет идти в обход Закона. Ты можешь быть семи пядей во лбу, но ничего не сделаешь, а прощелыга с «лапой» в правительстве провернёт миллиардные сделки и умоет руки, осев где-то в Израиле или в благословенной Англии, получив там гражданство и неприкосновенность.

Президент России потребовал развернуть бескомпромиссную борьбу с коррупцией. В плане первоочередных мер большое внимание правительство уделило регламентации использования государственного имущества. Особый упор был сделан на повышение профессионального уровня юридических кадров и правовое образование населения.

– Коррупция в России превратилась в способ существования огромного числа людей, – заявил президент Владимир Путин на встрече со спикерами региональных парламентов. – Проще дать взятку, чем искать правду в правоохранительных органах. Те же, кто получает взятки и строит роскошные виллы, не ощущают никаких рисков.

В Упсалу Колчин прилетел с конкретным заданием: подготовить цикл репортажей о работе Лиги Добровольной Смерти. Лига создана предприимчивым доктором Рагнером Тоссом. В Стокгольме Тосс заведовал клиникой общей хирургии.

Когда начался распад Советского Союза, с приходом к власти Ельцина в России наступило полное обнищание и упадок. Не только старшие поколения, но и молодёжь, оказались выброшенными на обочину жизни. Особенно ударил по населению чудовищный дефолт тысяча девятьсот девяносто восьмого. В один день он сделал нищими миллионы людей. К ответственности никого не привлекли. Инициаторы реформ и разработчики дефолта оказались далеко от России, а Ельцин, грозившийся лечь на рельсы, шею не подставил.

Сбылись пророческие слова: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий народ или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». (Евангелие от Матфея. Глава 12).

Политики, сенаторы и депутаты играют в бессодержательное многословие сделали предметом насмешек жизнь великой страны, погубили её авторитет, омертвили народ, приведя его к полному упадку, духовному и материальному. Пагубное подражание заимствованиям с Запада довершило разложение масс. Люди позабыли, что смысл жизни непременно сочетается со смыслом жизни всего общества. Кто этого не понимает, тот не способен к различию добра и зла, истины и лжи, становится объектом влияния чужой воли.

В такое смутное время, когда сводили счёты с жизнью не только рядовые граждане, но и высшие чины, доктор Тосс при поддержке братьев Блумфилд из Лондона создал в России Клуб прозрения. Клуб имел немалые доходы, получая от клиентов за услуги чубайсовские ваучеры. Денег у несчастных не было, имелись ваучеры, которые не знали, куда девать. За ваучеры Клуб скупал дома, магазины, металлургические заводы.

В Клубе прозрения страдалцам, оказавшимся в безвыходном положении, продавали оружие, яды, а то и организовывали негласно само убийство. Здесь оговаривались и заботы о захоронении. Стоимость ритуальных услуг на городских кладбищах росла изо дня в день, превратившись в бесстыдный бизнес на горе. Трудящемуся человеку, инженеру или учёному стало не по карману заказать даже хороший гроб.

Для многих в России затея доктора Тосса поначалу представлялась дикой. Советская власть, как её ни критикуй, заботилась о простом человеке. Каждый в стране был уверен в завтрашнем дне, имел бесплатное образование и медицинское обслуживание, имел право на труд и отдых. И поэтому на первых порах люди возмущались постигшим их бесправием, а потом тихо смирились и дожидались кончины, разделённые, оторванные от мира. О них вспоминали, когда требовался паспорт для захоронения. Многие, чтобы избавить родных от хлопот, покидали дома, уезжали в глушь, и умирали в полной безвестности.

Оставленные на произвол судьбы, горожане постепенно опускались, привыкая к добровольной смерти, когда в больницу не попасть – платить за лечение нечем, сбережения из-за дефолта растаяли. Есть у тебя деньги, врачи окажут тебе помощь. Нет денег – иди к чертям собачьим, умирай в мучениях. Взрослые и дети падали в голодные обмороки, матери в безвыходности выбрасывались с детишками из окон квартир на асфальт. В городском транспорте, в магазинах люди кидались друг на друга с бранью, вымещая обиды и зло, вместо того, чтобы поддержать, успокоить добрым словом.

Правительство бездействовало. В большинстве своём те, кто попал в правительство, заботились исключительно о собственном благополучии, кичились привилегиями, упивались властью, выколачивая баснословные барыши, становясь миллионерами, и свысока смотрели на обнищавший народ.

Началась деградация общества. Новорожденных относили в целлофановых пакетах на помойки, отца или мать родные чада отправляли в дома престарелых, а то и в морг. Брат и сестра делят дачку, ненавидя друг друга, и доходят до крайности: брат сжигает домик вместе

с сестрой. Сын убивает мать, муж губит жену и малолетнюю дочь... И так по городам и весям, словно чума катилась. Число смертных случаев достигло такого уровня, что милиция и прокуратура их просто не регистрировали.

Подобное происходило не только в России, которая во всём копировала Запад. Во Флориде казнили некоего Ричарда Хениярда. Со своим сообщником Ричард похитил Дороти Левис и её дочерей трёх и семи лет. Изверги изнасиловали женщину прямо в салоне машины, а затем Хениярд несколько раз выстрелил в женщину и выбросил из автомобиля. Перепуганные девочки со слезами бросились к матери. Тогда насильники решили избавиться от детей. Ричард отвёл девочек подальше и убил выстрелами в голову.

В Великобритании, город Саутгемптон, Дэвид Кесс после развода впал в депрессию. В один из дней, когда по закону имел право находиться с дочерьми, увёз их из дома и задушил у себя в гараже. После этого повесился...

Глава 2

На базе Клуба прозрения Рагнер Тосс создаёт организацию международного масштаба – Лигу Добровольной Смерти со штаб-квартирой в Швеции. Страна спокойная, без коррупции и бандитских разборок.

С появлением Лиги желание человека расстаться с жизнью упростилось до уровня обычного посещения дантиста. Вырвать печень, сердце или почки на продажу, глаза, ноги или руки – это стало не сложнее, чем вырвать больной зуб. Странное дело, но с улучшением жизни, ростом материального благополучия граждан, спрос на услуги ЛДС повысился.

Совету Лиги Добровольной Смерти в срочном порядке пришлось предпринимать меры для того, чтобы поднять уровень обслуживания и комфортность проживания в пансионате, учитывая обеспеченность клиентов, их готовность оплачивать расходы.

Комплекс пансионата Рагнер Тосс построил в тихом и красивом месте на окраине Упсалы, за Лебединым прудом. Прослышав о пансионате ЛДС в Швеции, люди без колебаний продавали имущество, если не имели сбережений, и отправлялись в спокойный город Упсалу, чтоб достойно провести в пансионате Лиги последние дни и умереть не под забором или в богадельне.

На вопросы о работе Лиги доктор Тосс отвечал прямо: не пытайтесь усматривать какие-то отклонения, противоречащие законам и морали общественной жизни. Мы же не возмущаемся тем, что происходит в обители слуг Иеговы. Лига Добровольной Смерти и есть община, отделившаяся от основного направления деяний в обществе. Связь человека с принятой в Лиге моралью – сугубо личное дело каждого, а Лига – реформатор устаревшего уклада бытия. Руководство Лиги убеждено в полезности своей деятельности, проповедуя любовь к ближнему. Лига – единственно правильное образование для помощи нуждающимся. Рано или поздно Лигу признают и законодатели, и рядовые граждане.

Страждущие не ошибались в выборе. В пансионате гарантировали все удобства для проживания, уход опытных врачей, что избавляло от страданий, не то, что лежишь на больничной койке в палате, где с тобой лежат десять, а то и пятнадцать человек. За сердце или печень, почки, селезёнку, если, конечно, здоровые, за мозг и глаза ЛДС получает доход, который позволяет даже бездомному покрыть расходы фирмы. Солидные суммы от вырученных за человеческие органы денег перечисляются и родственникам умершего.

– Каждый имеет право распоряжаться своим телом и жизнью, – не устаёт повторять доктор Тосс, когда заходит разговор о правильности действий Лиги Добровольной Смерти. – Мы – помощники, призванные прийти по первому зову и облегчить человеку исход его жизни, дарованной свыше. Позволять мучиться и страдать – великий грех. Страдания Христа – напрасная жертва. В ней не было никакого смысла. Неужели Бог любит собаку больше, чем человека? Где же милосердие? Христос, когда его распяли, возопил: «Лама, лама! Самахвани!»! Боже, для чего ты оставил меня!»

Смерть, а не жалкое существование, выбирали сильные духом и в древности. Высокий сановник Нинахтон, прослышав о намерении португальского вице-короля отстранить его от занимаемого им в Малакке поста, приказал построить длинный, но не очень широкий, помост, укрепленный на столбах.

Облачившись в дорогие одежды, Нинахтон взошёл на помост, под которым внизу разожгли костёр. Народ стекался к помосту поглазеть, для чего всё делается. Нинахтон сказал народу, что честь ему дороже жизни, и так как у него нет возможности бороться против оскорбления, то доблесть велит ему не покориться духом. Сказав это, Нинахтон бросился в огонь.

Не только несчастья и болезни, пересилить которые бывает не под силу, но и пресыщение жизнью, разочарование, порождают желание умереть. В такой ситуации Лига Добровольной

Смерти богателя с каждым годом и открывала представительства в странах Европы и Америки. Богателя, в том числе за счёт продажи личных вещей и другого имущества знаменитостей.

Хорошо помнит Говард, какой ажиотаж поднялся на аукционе в Лондоне, когда выставили на торг вещи звёзд шоу-бизнеса, окончивших свой земной путь в пансионате ЛДС. Покупатели кричали, отталкивали друг друга, только бы ухватить лот. Верёвка, на которой по завещанию «повесился» певец Боб Келли, болевший СПИДом, пошла с молотка за двести девяносто тысяч фунтов стерлингов. Его гитару продали за два миллиона фунтов.

Услышав такую новость, Говард пришёл в отчаяние: верёвку повешенного рвут из рук, торгуются. Прежде даже говорить о повешенном стеснялись, а не то, что хранить в доме удавку, снятую с шеи покойника.

Одно время считалось, что Лига Добровольной Смерти выполняет некую гуманитарную миссию, помогая человечеству избегать морально-психологических волнений, обострения криминальных происшествий, когда люди боятся по вечерам выходить на улицу, а детей не отпускают одних в школу. Нет уверенности, что очередной маньяк не набросится на девочку или мальчика в подъезде или в глухом углу парка. О подобных происшествиях ежедневно трубят газеты и телевидение, показывая обнаруженные трупы детей и безутешно плачущих родителей.

Лига брала на себя неблагоприятную роль защитника и санитара, избавляя общество от насильников, педофилов, неизлечимо больных и отчаявшихся, готовых на любое преступление. Даже маньяк в минуты просветления мог обратиться за помощью в ЛДС, где врачи доведут до спасительного конца.

Со временем в деятельности Лиги Добровольной Смерти наступила полоса отчуждения. Первый сигнал тревоги прозвучал после смерти певца Боба Келли, когда его примеру последовали десятки поклонников певца. Отрицательную позицию к ЛДС заняли церковнослужители и средства массовой информации. Они обвиняли организацию в массовых убийствах. Доктор Тосс вынужден был обратиться в суд с жалобой о защите чести и достоинства фирмы, и Лига выиграла процесс.

Особенно негодовало телевидение, когда в пансионате Лиги погибла тринадцатилетняя Эльза Кайтель, дочь миллионера из Германии. Юная особа выбрала для сведения счетов с жизнью один из самых жестоких способов, применяемых в пансионате ЛДС, – решила лечь под пресс. Бесформенную массу тела по завещанию Эльзы специалисты Лиги должны были отправить её родителям для захоронения.

Поступок девочки люди объясняли просто: кто-то из родителей довёл Эльзу до такого нервного состояния, что она решила покончить с собой, а раздавленное под прессом тело просила представить на глаза родни: пусть полюбуются, что сотворили своим бездушием.

Руководство Лиги, сам доктор Рагнер Тосс, избежали тогда судебного приговора, доказав следствию, что девушке отказали в медицинской услуге по причине как раз несовершеннолетия, хотя Эльза Кайтель готова была покрыть солидные расходы. Находясь в стенах пансионата Лиги, не добившись разрешения умереть под прессом, Эльза обхитрила медицинский персонал и бросилась в ванну с раствором соляной кислоты.

После нашумевшего случая в Европарламенте раздались голоса с требованием внести ряд поправок в регламент эвтаназии, а заодно и в статус Лиги. Тогда узаконили и название – Лига Добровольной Смерти. И правильно: Лига давно отошла от практики Клуба прозрения, когда клиенту предоставлялось право выбрать оружие смерти и самому наложить на себя руки.

Обязанности по уходу за клиентом, исполнение его окончательного решения уйти в мир вечности, – это брала на себя Лига, её консилиум знающих, авторитетных специалистов и представителей закона. Консилиум выносил свой вердикт после двух месяцев проживания клиента в пансионате. За два месяца клиент должен был подтвердить желание сначала в устной, а

затем в письменной форме, заверенной нотариусом. Под конец клиент заявлял о своём твёрдом решении расстаться с жизнью перед телекамерой. Запись передавалась в полицию во избежание недоразумений, если вдруг объявятся с претензиями родные и близкие клиента Лиги.

Из конфликтов администрация пансионата, Совет Лиги сделали выводы. К работающим в ЛДС ужесточили требования и повысили меры наказания за разглашение служебной тайны. Постороннему попасть в святая святых пансионата – Дом последней ночи, а уж тем более в корпус «Х», Дом прощания, – стало невозможным. Охрана зданий и внутренних помещений велась по трём степеням защиты с применением новейших средств наблюдения и сигнализации.

К работе Лиги Говард относился с полным безразличием. Он был убеждён, что житейские неурядицы возникают большей частью по вине человека, который вместо того, чтоб хладнокровно разобраться в ситуации, начинает метаться, нагнетает страсти, тем самым усложняя положение. И в отчаянии доходит до нервного срыва. Надо спокойно воспринимать случившееся, не выводить себя из равновесия, не биться головой в стену, которую сам и возвёл.

Дела в редакции складывались благоприятно. Рон много писал, готовил к изданию книгу о путешествии по Северу России, нефтяных промыслах Коми. Путешествуя, неделями жил с буровиками в Приполярье, кочевал по тундре с оленеводами.

В семейной жизни тоже не предвиделось осложнений. Жена Хилеви, его добрый друг, разделяла убеждения Рона, не досаждала расспросами, следила за порядком в доме, доверяя уборку, стирку прислуге. Хилеви работала в туристическом агентстве. Вполне понятно, что долгие разговоры о делах гида в доме не велись.

В Европе рекламу Лиги Добровольной Смерти воспринимали с полным спокойствием. На советы и призывы Лиги откликались и обращали внимание лишь те, кто устал от болезней и одиночества, безнадежных поисков места в жизни. И те, кто, возненавидев мир, твёрдо полагая, что в нём ты либо раб, либо свинья, и готов был взорвать себя, раздобудь он пояс смертника. А лучше две критические массы плутония, чтоб свести их вместе на оживлённом перекрёстке, став живой атомной бомбой...

Американский доктор Джек Кеворкян, используя свой аппарат смерти, помог уйти на тот свет ста тридцати пациентам больницы, в которой Кеворкян работал. Общественность заговорила о праве на эвтаназию, а специалисты, расследуя дело Кеворкяна, заговорили о Лиге Добровольной Смерти как о спасительнице общества. Именно в пансионате Лиги заявление клиента рассматривает консилиум, а не врач-одиночка. Тем самым исключается возможность подлога, злонамеренности. Нет надобности врачу в клинике или больнице брать ответственность, идти на преступление только потому, что не может он равнодушно наблюдать за страданиями обречённого на смерть. Сам доктор Кеворкян до конца жизни был уверен в правоте своих действий, в этичности и гуманности эвтаназии в случаях, когда больному уже ничем не помочь...

Глава 3

В аэропорту Арланда Говард встречал Колчина лично. Не потому, что попросил главный редактор газеты «Свенска Дагбладет» Нильс Хадсон. Привыкший во всём видеть порядок, Хадсон не переносил безразличия и равнодушия. Немногословный, как все шведы, сдержанный, он, что касалось гостеприимства, не мог допустить, чтобы прилетевший в Упсалу коллега по перу усомнился в доброжелательности сотрудников редакции, их распорядительности.

– Надо оказать Владимиру честь. – сказал Хадсон. – Поезжай в аэропорт. Неспроста прилетает этот русский. Чует моё сердце, опять выдаст сенсацию. На сей раз из Швеции. Уж раз-узнай...

Просить Говарда и не стоило, сам настроился на встречу с Владимиром. Даже Хилеви за утренним кофе уловила нетерпение мужа. Живёт среди журналистов газеты неписаное правило товарищества: прибывает в твои места знакомый собрат по журналистской упряжке, обязан свидеться. Даже если он проездом, а поезд стоит на станции положенные по расписанию десять, а то и пять минут. Посреди ночи вскочишь и помчишься на вокзал. Обнимешь гостя по-братски, по рюмке за встречу выпьете, о переменах в редакции сообщишь. И помашешь рукой вслед тихо тронувшемуся вагону.

Но главное, что побуждало Рона спешить в аэропорт, – год назад Говард гостил у Колчина, прилетал тогда в Москву на Международный форум по нанотехнологиям. Проходил форум в Большом Кремлёвском дворце. Там они и познакомились на пресс-конференции для российских и зарубежных СМИ.

В один из дней Колчин пригласил Рона к себе на Рублёвское шоссе.

– В отеле ты будешь скучать, – сказал с улыбкой, – а так с жизнью московской элиты познакомишься. В Стокгольме тоже есть места, где собираются знаменитости...

– И примазавшиеся к ним, – добавил Говард. – Кто много мнит о себе, но мало имеет.

– Тусовщики, словом. Кому важно с умным видом появиться, а потом хвалиться перед знакомыми, что и он там был. Пришлось, мол, ехать, персонально пригласили. В Москве такой заповедный угол – Рублёвка. Дамы стремятся сюда с замирием сердца и тайной надеждой закадрить не миллиардера, то уж миллионера в точности.

– Что поделаться, каждой красавице грезится счастливая доля Золушки.

– Завсегдатаи на Рублёвке развлекаются на широкую ногу. С приглашением заморских див, чей визит обходится в два-три миллиона долларов.

– И платят за выступление, к примеру, певице Спирс, такие суммы?

– Платят! Купеческая привычка. Прадеды к цыганам ездили на тройках, в ресторан «Яр», где звучала Соколовская гитара и цыганские песни до утра. Наши кутилы развлекаются на Рублёвке, мол, живём один раз. Или в Куршевеле.

– Шведы на такое расточительство не пойдут. Дорожат заработанной копеечкой. Русские – транжиры, тратят безрассудно. Лучше деньги на благотворительные нужды перевести. Сколько у вас бедных и бездомных...

– О бедных и бездомных люди состоятельные не думают. Престиж не позволяет.

В ресторане «Царская охота» Колчин зарезервировал стол, и они собрались вечером втроём. Согласилась поужинать с мужчинами за компанию жена Колчина – пышногрудая блондинка с приветливой улыбкой. Обаяние Ирины выделяло женщину из числа присутствующих в зале. Лицо Ирины светилось добротой и природным здоровьем, в облике отсутствовала надменность, так присущая, как успел заметить Рон, многим людям, кто сколотил состояние в годы перестройки.

«Царская охота» – достопримечательность Рублёвки. По опросу прессы ресторан признали в числе самых престижных по Москве. Сюда заходил в бытность президентства Владимир Путин с женой, когда останавливался в загородной резиденции по Рублёвскому шоссе. Человек без комплексов, Президент доставлял немало хлопот службе президентской охраны своим беспечным поведением, поскольку мало заботился о собственной персоне. Жил, как его отец, привыкший рассчитывать на собственные силы, не оглядываясь, поскольку ничего дурного не совершал.

Характерная особенность новых русских, сделал вывод Рон, в том, что они отвернулись от старых друзей и знакомых, перестали замечать большую часть общества. Надменность и некая наглость богатых, отбила от них порядочных граждан, разделила на два лагеря. Люди среднего достатка презирали богатых, считая их главной причиной всех неурядиц, а богачи в грош не ставили бедный люд, и старались даже детей держать подальше – в элитных школах и вузах.

Надменность богачей вырабатывалась в борьбе за право иметь своё дело, что добывалось за счёт собственных ошибок и провалов, в страхе попасть под каблук бандитам, которые облагали непосильной данью. Надменность – скорее страх и опасение, когда, набив шишек, от каждого встречного ждёшь подвоха или доноса в полицию. Опасаться и бояться есть из-за чего. Налаживая бизнес, каждый вынужден обходить запреты государства, запреты внутренней морали, когда совесть кричит – не укради! – а надо красть и обманывать, иначе упустить выгодный момент, останешься с пустым карманом. Необходимо идти на сделку с совестью, потому что каждый чиновник, налоговый или таможенник, норовят содрать с тебя хороший куш. Да о совести богатые и не говорят: признак слабости характера и неуверенности.

Ирину Колчину разгул перестройки будто и не коснулся. С таких женщин, как она, подумал Говард, русские художники писали образы, какие увидишь на полотнах Венецианова, Кипренского, Кустодиева. «Ей бы вести программу на телевидении, – подумал Рон. – В пику «звёздам», которые гнусавят. Или визжат на одной ноте. Вроде этой... Канделаки. И разговаривает без интонаций в голосе». Но постеснялся высказать мысль вслух. Не хотел, чтобы его мнение Ирина восприняла за лесть.

Колчин словно угадал раздумья Говарда:

– Ирина ведёт популярную программу для молодёжи на одном из центральных телеканалов. Мы с ней вместе учились на факультете журналистики. Только Ира курсом младше.

Сказал, влюблено посмотрев на жену. И оживился:

– Знаешь, как мы познакомились? На кафедре русской литературы профессор Вялый должен был читать лекцию о Радищеве. На лекции профессора сбегались любознательные студенты со всех курсов. Рассказывал Вялый всегда о фактах мало кому известных, и слушали его студенты, затаив дыхание. Говорю без преувеличения. Если Вялый говорил о правлении Екатерины Второй, то не о её царственных делах, побед на Чёрном море, а о переписке с Вольтером, об издании ею журнала «Всякая всячина».

В письмах Вольтер сетовал, что старость не позволяет ему видеть Владычицу сердец – так он называл царицу. Екатерина отвечала в послании, мол, сожалеет, что не пишет стихов, и не может на стихи отвечать стихами. И одарила Вольтера дорогой шубою и табакеркою, собственноручно сделанной императрицей.

Сижу, значит, с другом, и тут входит она. Взглянул и обомлел: пушкинская Татьяна! Густые волосы на пробор, открытое лицо, чистая улыбка. Поделился первым впечатлением с другом, дескать, такая девушка не обманет, не оставит одного в беде. Познакомиться бы.

В перерыве друг мой подбегает и тащит меня за руку из аудитории. Не понял куда, не спросил, удивившись, почему такая спешка. Спускаемся по парадной лестнице журфака на первый этаж, а навстречу нам девушки из нашей группы ведут Ирину: знакомьтесь.

Слушая Колчина, вспомнил Рон свою Хилеви и пожалел, что не взял жену в Москву. Часто ли радуется совместными поездками? Часто ли бывают вместе на приёмах, в театре? Когда в кино ходили последний раз, что так любит жена? Несуразно живут, вроде как врозь. Он открывает для себя новое, интересное, а Хилеви одна, дом да работа с туристами, экскурсии по одним и тем же маршрутам. Прекращать пора бездумное существование, больше внимания уделять супруге.

Телец по знакам Зодиака, Говард не относился к числу людей разговорчивых, что иногда выводит Хилеви из душевного равновесия. Короткие ответы мужа «да», «спасибо», «пока» доводят Хилеви иной раз до такого состояния, что она, всплыв, готова запустить в Рона перывым, что подвернулось под руку. Опомнившись, даёт волю слезам.

В таких случаях Говард чувствовал себя виноватым, принимался жену успокаивать, просил прощения, проявляя покорность и терпение. Упрямец по натуре, хотя таковым себя не считает, Говард удивлялся долгим обидам Хилеви, принимался над ней подтрунивать. Правда, грубоватый юмор Рона с крепкими выражениями снова раздражал Хилеви, она не понимала его шуток.

– Ирина, почему у вас на телеканалах ни одного одухотворённого лица? – прервав невесёлые раздумья, спросил Рон. – Переключаешь каналы, ведущие злые, напряжённые.

– Наверное, от недостатка воспитания, – ответила Ирина. – И напыщенности: мы всюду всё успели, хоть не было гроша. Какова внутренняя сущность личности, таков и облик. Многие ведущие попали на телевидение по случайности, не имея на то профессиональной подготовки, изгаляясь на выступлениях КВН. Клуб Весёлых и Находчивых. У них есть смелость, они не теряются перед камерой, у них много апломба, они не боятся сморозить глупость.

Подали сочный стейк из мяса молодой косули. Пробуя его и запивая хорошим французским вином, они весело беседовали. Владимир делился новостями из быта московских богачей. Он дружил с ресторатором Новиковым, тот обещал подъехать, но по какой-то причине задержался. Дружил с Шалвой Чигиринским, строителем района Москва-Сити. Рассказал о разводе Романа Абрамовича. Не остановили Абрамовича даже малолетние детки.

– Пример опального Владимира Гусинского заразителен.

– Гусинский? Он вроде в Вене обосновался?

– А также в Израиле. Разберись...

– Что за пример с него берут...

– По части разводов. Гусинский первый променял супругу сначала на актрису Жанну, затем влюбился в Елену, которая родила ему двух сыновей.

– Сказывается синдром бедной молодости, – добавила Ирина. – При деньгах очень хочется пожить всласть, удовлетворяя земные желания, хочется показаться в обществе не со стареющей супругой, а с молодой модницей.

– Ходок! Так у нас называют любвеобильных мужчин, – сказал Колчин и засмеялся. – Назвал бы по-другому, да жена рядом. Немцов третью жену заводит. И от каждой детей имеет. Как это назвать?

– Умственной недоразвитостью, – ответила Ирина. – Детки Немцова не бедствуют, конечно, однако им всё равно не хватает отцовской заботы, внимания. Не зря сказано: под дорогим платьем часто скрывается порочное сердце; под рубищем же часто обитает душа, имеющая образ и подобие Божие.

К столу подходили знакомые Колчина, здоровались, желали успехов. Не успели переговорить с владельцем сети магазинов Табаковым, как решительным шагом к ним подошёл плотный русоволосый господин. Поздоровался галантно с Ириной, пожал крепко руку Колчину.

– Рон Говард из Швеции, – представил Колчин.

– Журналист? – поинтересовался подошедший.

– Газета «Свенска Дагбладет», – ответил Говард.

– Уважаемая газета! Добро пожаловать! – Извинившись, повернулся к Колчину: – Слышал новость? Рома Абрамович купил виллу «Шато де ля Кро»!

– Собственность Бориса Березовского! – воскликнул удивлённый Колчин. – А они на ножах!

– Борис уступил хозяину клуба «Челси» часть своей французской недвижимости. На людях грызутся, а между собой как два брата.

– Абрамовичу мало недвижимости в Англии, трёх яхт... Четвёртую строит по спецзаказу. Устанавливает на яхте систему противоракетной обороны.

– Не грех вспомнить Блока: «Россия – сфинкс! Ликуя и скорбя, и обливаясь чёрной кровью, она глядит, глядит в тебя и с ненавистью, и с любовью»...

У русских принято: соберутся за столом, разговор о политике до хрипоты. Олег попрощался и удалился из ресторана быстрым шагом. Следом за ним тенью последовали два дюжих телохранителя, которые всё это время тихо стояли в сторонке.

После его ухода Колчин пояснил:

– Олег Сосковец. Вице-премьер при Ельцине, а теперь крупный банкир. Слушай, нам здесь спокойно поговорить не дадут. Поехали ко мне домой! Попьём кофейку, коньяку выпьем. Ира, ты как?

– Не коротать же гостю время в одиночестве! С гавриками познакомим, – ответила Ирина с мягкой улыбкой. Перехватила удивлённый взгляд Рона, засмеялась звонко: – Детей так образно называю: гаврики мои. Двое их у нас. Ванюше восемь лет, а Виктории в октябре тринадцать исполнится. Летит время... Давно ли на руках баюкала? Разговаривать дочка начала, сколько радости было! Спросишь: как дела? Отвечает: «Хавашо». Возьмёт в руки детский пистолет: «У меня пасталет». А теперь в седьмом классе уже...

– О третьем мечтаем, – подмигнув жене, сказал Владимир. – Имена выбрали. Девочка родится, назовём Варварой. Мальчик – Кузьма.

– У тебя, Рон, есть дети? – поинтересовалась Ирина.

– Нет... – Говард почувствовал неловкость. Здоровый мужчина, а ни сына, ни дочки. – В Швеции молодёжь стремится поначалу жизнь обустроить. Профессию выбирают, в должности утверждаются, а уж после женятся и детишек заводят...

– А мы на последнем курсе Университета поженились! – сказала Ирина и засмеялась. Чувствовалось, что она довольна тем, что так ладно получилось в молодости. Может, трудно было, но, то осталось позади, а крепкая семья – любимые муж и дети есть. И ждут тебя после работы на пороге дома, обнимут и расцелуют. – У Володи родители научные сотрудники, мой папа, правда, директор машиностроительного завода. Он и помогал нам деньгами на первых порах.

Диплом защитила, Вику родила. Утром на телевидение спешу, дочку по пути в детский садик отвожу. Теперь с гавриками няня возится. За их обучением следит...

– Ивана после уроков отвозит в детскую академию тенниса, – уточнил Колчин, – а у Виктории вечером занятия в школе искусств. На днях принесла домой написанную ею картину «Ангел над городом». Дома, купола церкви, памятник «Медный всадник», а по асфальту набережной девочка спешит. И над всем ангел с распущенными волосами...

Особняк Колчиных удивил Рона ухоженностью и добротностью постройки. Такие не часто увидишь в Швеции. Просторный рубленый дом в три этажа с мансардой под крышей восхищал тщательностью сборки и отделки. Калиброванные брёвна, заранее подготовленные, хорошо просушенные, говорили о крепости и надёжности.

Интерьер здания – его внутреннее убранство, размеры жилых комнат и гостиных, бильярдная на первом этаже с выходом на просторную террасу, – всё отвечало удобствам жизни. Обстановка комнат с подвесными потолками, электроподогревом полов в зимнее

время, бельэтаж, балконы детских комнат и общий балкон с тыльной стороны дома с выходом из коридора на втором этаже – свидетельствовали об умении объединить в единое целое парадные и жилые помещения с внешним миром, который открывался за окнами.

Продумал мастер и разбивку территории усадьбы: пруд, отвесные берега которого старательно выложены кусками известняка, яблоневый сад... Каждое дерево ухожено, без наростов лишайника на стволах и ветках. Позаботился садовник о цветах и дикорастущих кустах, об оранжерее, примыкающей к гостевому дому с сауной.

– Брёвна для сруба доставили из Финляндии, – пояснил Владимир, показывая особняк. – Финны – мастера заготавливать древесину, сушить и обрабатывать. Строительством занимались наши специалисты. Они прокладывали паровое отопление, электропроводку, бурили скважину. Гостевой дом с сауной и оранжереей, котельная с системой водоочистки, водогреем, автономным стабилизатором напряжения – тоже дело рук наших спецов. Плохо на Рублёвке не сработает. Разнесётся недобрая молва, и никто не пригласит на подряд. Не только не пригласят... Сразу вытурят, чтоб и духом не пахло.

Беда в другом: строим типовые безликие дома. Хоромы большие, архитектура никудышная. Русские дворяне и помещики обустроивались на века. Посмотри любую из сохранившихся усадеб в Подмосковье, на Орловщине или в Брянской области... Поезжай в Кусково, имение графов Шереметьевых. Строили мастера два с половиной века назад, а до сих пор сохранилась отделка и убранство многих интерьеров дворца. Вестибюль и парадная лестница, гостиные... Резная мебель, картины и гобелены... Наши коттеджи простоят полвека и превратятся в захолустье временщиков. Никто сюда и не заглянет...

Дом с подворьем и садом, спортивная площадка для детей и теннисный корт Рону понравились. Даже собачья конура в виде домика продумана со вкусом: окошки, вентиляционный выход на крыше, табличка над входом с адресом. Хозяин домика – добродушный увалень из породы бернских овчарок, бродил по тропинке вдоль пруда. Нашёл спуск к воде и принялся громко лакать.

В глухом углу пруда изваяние аиста. Стоит на одной ноге и выжидает.

– Дом на Рублёвском шоссе – твоя визитная карточка, – пояснил Колчин. – Залог твоего авторитета в высших кругах общества. Имеешь здесь дом, значит,ходишь в элиту, можешь составить протекцию. Следовательно, многие будут тянуться к тебе, набиваться в друзья.

– В России люди со школьной скамьи знали один закон: сначала думай о Родине, а потом о себе, – не утерпел Говард. – Об этом в университете не раз говорил нам профессор. Он родился и вырос в СССР. А теперь какой порядок?

– Какой порядок? Сначала думай о себе. Не думай о других. Не то без штанов останешься, – ответил Колчин. – Случится перемена в жизни, другие о тебе не вспомнят, не подадут руку помощи.

– А как же заповедь Христа? Возлюби ближнего твоего, как самого себя...

– Тебе разве не приходилось встречать людей, которые любят и жалеют бездомную собаку, а помочь нищему забывают? Подобное встречаешь повсеместно. Ещё Достоевский сказал: легко любить человечество, но как же трудно любить отдельного человека...

В холле Говард оглянулся: добротная мебель, домашний кинотеатр, бар, автоматизированная кухня с плитами и печками, посудомоечной машиной. На стенах картины Родионова, Архипова, Козлова, Ерёмина; дорогие иконы XVII–XVIII веков. Как выяснилось, из Ферапонтова монастыря.

Обратил внимание Говард на прекрасный камин с отделкой из мрамора: танцующие грации в туниках. Возле камина чугунное литьё Каслинского завода – петух и курица.

– Камин, где заказывал? – поинтересовался Говард.

– Понравился?

– Прекрасная работа.

Владимир засмеялся:

– Знакомые реставраторы продали. Реставрировали в Москве старый купеческий дом, разобрали и вывезли. Заплатил шестьдесят тысяч долларов.

– Извини за глупый вопрос. Откуда у журналиста такие средства? Особняк, судя по месту и качеству постройки, обошёлся тебе в два миллиона долларов...

– Пять с половиной. Лишь за участок земли заплатил без малого два миллиона долларов. Земля здесь очень дорогая. Откуда деньги? Во-первых, программа Ирины хорошо оплачивается. И мои доходы. Детали раскрывать не стану. Скажу прямо: основной доход приносят акции «ЛУКОЙЛа» и «Газпрома», мой портал в Интернете. У нас процветает бизнес, а ему требуется реклама. Во-вторых, моё участие в выборных кампаниях Президента, депутатов Государственной думы. В дни подготовки к выборам не спишь и не ешь. Осечек в моей работе не случилось. Птьфу-птьфу-птьфу!.. – Колчин три раза сплюнул через левое плечо. – В случае успеха – сотни тысяч заработанных долларов.

– Приходится изворачиваться, наверное?

– Приходится! Тут всё зависит от твоего профессионального умения. Ужом проползёшь, чтоб добыть нужную тебе информацию. Мгновенно должен среагировать на событие, постараться обратить его в пользу своего кандидата. – Колчин засмеялся. – Один пример. Баллотировался мой кандидат в депутаты Государственной думы по Санкт-Петербургу. Не Борис Грызлов, нет. У него своя команда пиарщиков. Так вот, выступает мой кандидат по телевидению. Его соперник – состоятельный ювелир, потомок Фаберже. Состояние нажил на изготовлении и продаже изделий из золота и драгоценных камней. Скажу прямо: обошёл он нас на последнем этапе. Финал дебатов в прямом эфире питерского телевидения. И тут, как это случается, удача.

Ведущий программу спрашивает:

«При советской власти отец ваш тоже занимался изготовлением ювелирных изделий?».

«Занимался! И я помогал ему. Однажды обедаем, и вдруг комиссия из КГБ с обыском. Тогда с ювелиркой строго было. А у нас на столе горсть бриллиантов. Куда спрятать? Отец и догадался. Сыпанул бриллианты в тарелку с борщом».

За борщ я и уцепился. С этого и начни выступление, – напутствую своего кандидата. Говори: дорогие избиратели, вы мясо в борще разве по праздникам видели, а кандидат в народные депутаты кушал борщ с бриллиантами. Пролезет в Думу, продолжит мощно набивать, а о вас забудет.

На выборах ювелир провалился с треском. Народ озлобился на него за бриллианты, и дружно проголосовал против.

Глава 4

Вспомнил Говард, как гостил у Колчина, и не сдержал улыбку. Приятные остались воспоминания. Проныра он, журналист Колчин, сквозь игольное ушко пролезет, если понадобится для дела, думал Говард, ожидая гостя в зале прилёта. Плохого в поступках Колчина не усмотрел. Такова доля журналистская: разбирать завалы. Выводить на чистую воду дельцов и негодяев, которых развелось за годы так называемой демократии. Говард хотел сказать дерьмократии, но сдержался. Если журналисты вроде Колчина не станут разоблачать различные пороки, то кто? Не стерпят, проявят презрение к злу и несправедливости, заявят об этом во весь голос. Последнее крайне важно для того, чтобы всё работало в жизни людей, и не зависело от случайных обстоятельств. Неравнодушные личности, вроде Колчина, они принимают чужое горе, как своё личное, и встают на защиту вопреки любым препятствиям.

И ещё подумал Говард об Ирине, которая заставила съездить в Мелихово, усадьбу Чехова в Подмосковье. Здесь писатель провёл лучшие годы, написал «Чайку». Бродили по тенистым аллеям, вышли к пруду. Гид пояснила: Антон Павлович при переезде из Москвы привёз полтора карася и линея.

– Есть обычай у русских – при переселении в новый дом или в новую квартиру пускать впереди себя кошку или петуха – своего «домового». Чехов запустил рыбок...

Длинные берёзовые аллеи вдоль Каширского шоссе долго провожали Говарда из Мелихово. И Рон, поражённый жизнью русской усадьбы, жизнью крестьян на просторе полей и лесов, долго думал о великом писателе, который знал цену человеческому благородству, достоинству и счастью...

На выходе показались первые пассажиры, среди них и Владимир: белая рубашка без галстука, модный пуловер с белыми и чёрными квадратами на груди, дорогие джинсы. Не оттягивает плечо дорожный кейс, что служит доказательством: человек привык кочевать, не любит обременять себя излишком багажа. Одет вроде просто, но по своему вкусу и понятию, уверенный, крепко сбитый, натренированный.

– Едем в гостиницу? – спросил Рон, когда они сели в машину.

– В гостиницу. Да, Ирина тебя вспоминает и передаёт поклон.

– Спасибо... Она – дивный человек. И дети ваши – Виктория и Ваня. Гаврики, как называет их мама.

– Иван в этом году на чемпионате отличился. Золотую медаль завоевал!

– Почему ты выбрал отель «Park inn»?

– Знакомым не хочу на глаза попадаться. Не то растрезвонят, что я в Упсале, а мне ни к чему...

– Ты правильно сделал, выбрав для командировки Упсалу. Не зря здесь короновались короли Швеции, здесь и похоронены. А какая красота в окрестностях!

– По этой причине доктор Тосс и открыл в Упсале пансионат Лиги Добровольной Смерти, – как бы между прочим ответил Колчин. – Город тихий, красивый. Река Фюрис течёт, а по берегам сады и парки, крупнейший в Скандинавии университет...

– Ты прилетел с намерением познакомиться с работой Лиги Добровольной Смерти? – догадался Говард. – Я то думал...

– Думал, что буду писать о работах Карла Линнея? Как пишут многие журналисты, посетив Упсалу? Или о золотой гробнице Эрика Святого?

– В городе есть и другие достопримечательности. Ты упомянул об университете. В нём, между прочим, преподавал астрономию Цельсий.

– Нет, брат. Хочу пожить инкогнито в пансионате Лиги, познакомиться с порядками, ритуальными обрядами добровольного ухода из жизни. В профессии журналиста, правда, иногда лучше помолчать.

– Твоё право молчать или говорить. Мы, шведы, не болтливы.

– В России Лига Добровольной Смерти добивается права на открытие пансионата. И доктору Тоссу удаётся сломить сопротивление. Появились сторонники эвтаназии не только среди врачей, но и в Государственной думе, в Совете Федерации. Наши российские законы трактуют проблему эвтаназии двусмысленно. С одной стороны, статья сорок пятая «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» однозначно запрещает проводить эвтаназию. Но с другой стороны, статья тридцать третья того же свода законов разрешает её.

– Рядовые граждане как смотрят?

– Смотрят сквозь пальцы. Меня не коснулось, и ладно. Но, если говорить серьезно, одни поддерживают, ссылаясь на опыт либеральных стран, другие боятся. Где гарантия, что смерти не предадут здорового человека, который встал кому-то поперёк дороги. В Перми молодая жена решила оттяпать у пожилого мужа миллионы, а врачи помогли ей. За солидное вознаграждение, конечно. «Мани» сегодня на первом месте. Всем хочется нажать капитал, обзавестись загородной виллой...

– Как у тебя... – не сдержался Говард.

– Как у меня! А порядок в обществе, бедность большинства семей – это моей персоны не касается. Новорожденных детей горе-врачи выдают за мёртвых, а затем продают на вес. Как мясо. Полкило – восемь тысяч долларов. Требуются детские тела для получения стволовых клеток. В одной из клиник в Украине нагрянувшая милиция обнаружила сто восемьдесят мертвых детей. А ты говоришь... Власть рубля довлеет, а не власть совести. Продают и детишек. Подбирают на вокзалах и в подворотнях, отмоют, в божеский вид приведут, и сбывают за границу. Призвать к ответу за них некому. Широкою огласку получило дело некоей мадам Фратти. Она из русских, зовут Надеждой. Так эта Надежда вывезла из России в Италию пятьсот пятьдесят восемь детей-сирот. Все эти сироты бесследно исчезли в клиниках по пересадке органов...

– Пока люди сойдутся во мнении, сто лет пройдёт.

– Сто лет... Сенаторы уже готовят законопроект о праве на эвтаназию. Откроют пансионат, а потом схватятся за голову. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

– Ты правильно поступаешь. Лучше рассказать о Лиге и её порядках сейчас. Завтра поздно будет.

– Завтра будет поздно... Точно подметил. У нас по этому поводу так говорят: близок локоть, а не укусишь. Живём, играя в орлянку: орёл или решка. Надеемся на авось. Авось, повезёт.

Улица Скаргатан – тихая и малолюдная. Если пройти по ней к железнодорожному вокзалу, увидишь по пути отель «Park inn», в котором и остановился Колчин. Отель оправдывает название постоялого двора: рядом станция, ночной клуб «Каталин», по вечерам играет джаз. В скверике под клёнами стоянка для велосипедов. Спешат горожане на электрички до Стокгольма, оставляют велосипеды и уезжают на целый день. Велосипед в Упсале – основной вид транспорта. По этой причине не увидишь на улицах автомобильных пробок. Как не увидишь скопления машин во дворах и на тротуарах.

Народ в Упсале просыпается рано. С первыми криками галок люди спешат на станцию. В Упсале самая крупная в Скандинавии популяция галок, они кружат над крышами домов, над кафедральным собором, галдят на деревьях университетского парка и на старом городском кладбище, но город к птицам привык. Как привык рано начинать рабочий день.

Многие упсалыцы трудятся в Стокгольме, и надо успеть приехать к открытию магазинов и кафе, расставить столы и стулья, приготовить посуду, достать из холодильников продукты и начать их разделку. В пути досыпают, знакомятся и влюбляются, обсуждают последние новости. Быт электричек субарбанитам привычен и понятен. Город сны видит, а люди поездов уже в пути; вечером город отдыхает, а люди поездов ещё в дороге – давно привыкшие друг к другу, похожие внешне по скромной одежде.

Поужинать Говард пригласил Владимира в греческий ресторан на берегу речки Фюрис, которая, изгибаясь по городу, катит тихие воды под мостами к озеру Меларен. С веранды ресторана открывается вид на кафедральный собор, приходскую церковь Святой Троицы и старую водяную мельницу. В тихом затоне с цветущими кувшинками крикали дикие утки. Семейство крякв с выводком подросших утят плавало среди цветов, вылавливая ряску. Селезень подавал голос, чтобы не разбегались утята.

– Хорошо у вас! – сказал Колчин, глядя на уток и отпивая из запотевшего бокала пенистое пиво. – Тишина и спокойствие, никто не спешит, не толкается... Нет гула машин. В Москве заторы на дорогах, нервные пешеходы на переходах. Куда ни посмотришь: машины, машины...

Он смотрел на шпили собора, построенного несколько веков назад в стиле французской готики, смотрел на речку, берега которой облицевали природными валунами. Вроде просто, но основательно, что создаёт вид крепостной стены.

– В Домском соборе, у нас его и так называют, похоронен король Густав Ваза с жёнами, Екатериной, и Маргарет. В капелле собора покоится прах короля Святого Эрика. Короля казнили датчане, – заметил Говард. – По преданию отрубленная голова Эрика скатилась вниз, и на том месте забил чистый родник. Он стал первым питьевым источником в городе.

– Видишь, и восемь веков назад короли и простолюдины оказывались равными перед лицом смерти... – Владимир помолчал, как бы раздумывая, рассказывать о цели командировки или воздержаться. – По дороге от аэропорта мы заговорили с тобой о моём задании. Как я догадался тогда, глядя на кислое выражение твоего лица, намерение рассказать о работе Лиги Добровольной Смерти не вызвало у тебя восторга.

– Смерть всегда безобразна. Отрубили королю голову – кровь, бездыханное тело. Сделали больному укол – кара не столь жестока, но всё равно мы видим труп. Вместо помощи, старания продлить и скрасить жизнь, идём по пути наименьшего сопротивления, путём казни. Да-да, казни! И тут жестоки в равной мере все: общество, власть, все мы, живущие на земле. Всё это своеволие отмечено Каиновой печатью, которой, как сказано в Библии, Господь заклеил Каина после убийства им брата Авеля...

И замолчал, пережидая, когда официант уберёт со стола пустую посуду. По мнению Говарда, писать о Лиге Добровольной Смерти – неблагодарная затея журналиста. Волей-неволей, а вынужден затронуть главное – уход человека из жизни. Пусть добровольная, но это смерть со всеми вытекающими обстоятельствами.

– Вряд ли репортаж вызовет интерес у читателей, если не расскажешь о кровавых делах палачей, или как их там называют пристойно, о смертельных операциях, при виде которых холодеешь от ужаса. Но такое не напишешь. Лига не приоткроет завесу секретности, столько даёт красивой рекламы, что любой школьник расскажет о ЛДС, её милосердии. Загляни в Интернет, и получишь сотню полезных советов и рекомендаций по эвтаназии...

Эвтаназия, а проще – смерть во благо, разрешена в большинстве стран мира. Только в Нидерландах членами Лиги Добровольной Смерти стали свыше ста тысяч человек. Каждый сторонник добровольной смерти заполняет анкету и получает право в случае необходимости обратиться в Лигу за помощью. Со стороны посмотреть, религиозная секта. Что-то наподобие сообщества свидетелей Иеговы.

В США, штат Орегон, проведён референдум, в ходе которого жители штата поддержали акт добровольного ухода из жизни. Он разрешает врачам прерывать жизнь больных, по примеру Лиги дважды попросивших о милосердии в устной и письменной форме.

Нашлись последователи и в других штатах. В Мемфисе и Техасе эвтаназия – обыденный вид врачебного вмешательства. И бесконечные споры о правомочности такого акта притупили его восприятие. Ещё Монтень писал: «Смерть – не только избавление от болезней, она – избавление от всех зол. Это – надёжнейшая гавань, которой никогда не надо бояться и к которой следует стремиться. Всё сводится к тому же, кончает ли человек с собой или умирает; бежит ли он навстречу смерти или ждёт, когда она придёт сама; в каком бы месте нить ни оборвалась, это – конец клубка...».

– Если подобную операцию практикуют во многих странах, – сказал Колчин, – дойдёт и до России.

– Ты прав. Остановить трудно, – ответил Рон. – Демократия... Попробуешь запретить, народ выйдет на улицы с протестом. Как это случилось недавно в Вене.

– А митинг у стен нидерландского парламента в Гааге! Желаящих прекратить страдания, физические и душевные, всё больше и больше. Прочти...

Колчин достал из папки, которую прихватил с собой, газету «Вечерняя Москва». На первой полосе жирным шрифтом выделялась заметка: «Мёртвый банкир найден в собственном бассейне».

«В собственном доме подмосковного посёлка Лесная Опушка милиция обнаружила труп управляющего Внешторгбанка Олега Жуковского. Признаков насильственной смерти на теле погибшего следователи не нашли. Судя по тому, что никаких следов взлома в доме не замечено, наружная система наблюдения никого из посторонних не зафиксировала, можно верить записке, её оставил на письменном столе покончивший с собой: «Устал от жизни»...

– Лига добровольной Смерти возложила на себя важную миссию, – продолжил Колчин беседу. – Лига облегчает уход человека, который влачит жалкое существование, от мук и страданий. Иначе и не думаешь, когда видишь еле передвигающегося на костылях. Невольно возникает мысль: зачем подобное существование? Может, помочь несчастному прекратить мучения? Но где гарантия того, что в пансионате Лиги всё делается по закону и добросердечности? Где гарантия, что из корыстных побуждений люди, кому не терпится завладеть наследством, виллой в Лондоне или на Лазурном берегу, не подкупят врача? А он обманым путём подтолкнёт больного к смерти...

– Надо преодолевать дурные инстинкты!

– Преодолеваем вторую тысячу лет, – чертыхнулся Колчин. – И не в силах преодолеть. Хотя право на эвтаназию пора узаконить. Нельзя судить человека, который помог близкому избавиться от мучений, проявив милосердие. Вспомни историю смерти француза Венсана Юмбера. Он многократно требовал предоставить ему право на смерть, но получал отказы...

История с Юмбером взбудоражила всю Францию. Парень попал в автомобильную аварию, сломал позвоночник и оказался парализованным. Он терпел невыносимые муки, истратил солидные суммы на лекарства, но никакой пользы. Парень упрашивал врачей прекратить его страдания. Сам он не в силах был подняться, пошевелить руками.

Официальное прошение об эвтаназии на имя президента Франции осталось без ответа. И тогда, пожалев сына, мать Венсана ввела ему смертельную дозу лекарства. Женщину арестовали, но вскоре освободили после общенациональных выступлений в защиту матери.

– А случай с тринадцатилетней Ханной Джонс из Великобритании? – продолжал Колчин. – Впервые в истории британской медицины девочка отказалась от лечения и через суд добилась права на смерть. Процесс в поддержку эвтаназии ширится, и его не остановить никакими запретами.

– Так что привело тебя в Упсалу?

– Никто не оспаривает благородную миссию Лиги Добровольной Смерти, – сказал Колчин. – Хочу сам убедиться и рассказать, что данная организация действует по закону и совести. Никакие деньги, никакие политические или коммерческие интересы не в силах поколебать в пансионате Лиги установленные доктором Тоссом правила добра и милосердия.

– Тебя гложет сомнение? Получается, ты никому не веришь!

– Жизнь такая, Рон. Доверяй, но проверяй. Людям импульсивным предоставь право спорить и полемизировать сколь угодно, сам же трезво анализируй события и факты, не трать попусту слова и энергию. Согласен со мной?

– Согласен...

Глава 5

Беспокойство журналиста Колчина объяснимо. Случаи эвтаназии в России не афишируются, но они бытуют, заплати только. Где-то врачи просто перестают реанимировать больного, или безбоязненно делают смертельный укол. В причинах смерти никто не разбирается. Отключил человека от аппарата искусственного поддержания жизни, докажи, что смерть наступила от этого, а не от остановки сердца. Или такой пример: существует препарат, четверть ампулы которого стимулирует работу сердца, а целая – приводит к его остановке. Экспертиза не докажет, сколько лекарства ввели пациенту.

В Совете Федерации сенаторы заговорили о законопроекте, который легализовал бы эвтаназию в России. К счастью, доводы противников инициативы звучат чаще и громче. Инициатор проекта председатель одного из комитетов по социальной политике Совета Федерации Валентина Петренко, хваткая бизнесвумен с навороченной на голове причёской.

Приехав в Совет Федерации, Колчин встретился с Петренко, которая больше напоминала директрису советского магазина. Петренко не стала откровенничать. С присущей большинству чиновников осторожностью, отделалась обтекаемыми фразами.

– Речь идёт о набросках основных тезисов, – сказала, поправляя на голове хитро уложенную копну волос. – Тезисы разослали по медицинским учреждениям. Если сообщество врачей и учёных выскажется против нашего предложения, то законопроект дорабатывать не станем.

В подобный исход Колчин не верил. Не столь наивен, чтоб не проанализировать ситуацию и сделать вывод. Те из чиновников, кто усматривает выгоду в начинании, от своего не отступятся. Не случайно мадам Смерть, как образно окрестили Петренко, часто летает в Швецию. Закрадывается подозрение, что она связана с ЛДС, и будет добиваться открытия филиала Лиги не в Москве, так в Петербурге, прикрываясь гуманными намерениями.

С точкой зрения Колчина согласился председатель комитета по работе со странами Содружества Вадим Густов, крепкий и широкоплечий, похожий на штангиста.

– Создадим для ловкачей и прохиндеев ещё одно доходное место, где станут торговать жизнями, донорскими органами. От правительства должно последовать ужесточение ответственности за причинённую смерть. Эвтаназия применима для особых больных, у которых нет шансов на выздоровление. Тут споры излишни. Но эвтаназия допустима при строгом контроле консилиума независимых специалистов, которые и должны давать разрешение на уход больного из жизни.

Сомнения сенатора понятны. Возможность злоупотреблений, когда на кону огромные деньги, и не уйти от соблазна поживиться, есть главный аргумент противников закона об эвтаназии. В Москве уже судили группу врачей, они доводили больных до смерти, а органы продавали чёрным трансплантологам.

Суд вызвал в обществе шумные споры. Нашлись защитники обвиняемых, кто доказывал, что вина врачей минимальна. Зачем лечить пострадавшего в автомобильной аварии, если он навсегда останется калекой? Тогда как органы его как донора, могут спасти полезного обществу человека, продлят ему жизнь для работы.

Занявшись столь важной проблемой, Колчин решил убедиться, что в Лиге Добровольной Смерти строгая ответственность за эвтаназию исключает случаи подкупа или фальсификации документов, чтоб потом родственникам погибших не пришлось горевать и стучаться в Европейский суд. Журналист хотел успокоить россиян или, наоборот, предупредить о подстерегающей их опасности.

И Колчин пропал. Говард переговорил с главным редактором «Свенска Дагбладет», приготовившись поднять на ноги полицию и начать поиски. Выслушав Рона, Хадсон задумался, анализируя ситуацию, а под конец сказал:

– Повременим поднимать тревогу. Спешить – делу вредить. Кажется, Колчин пошёл на риск. Ради неопровержимых фактов не пожалел и себя. Подождём...

– Полагаете, он затеял игру с администрацией пансионата Лиги?

– Не исключено. Ты же знаешь, иногда журналисту приходится менять профессию, менять фамилию и даже внешность. Только бы докопаться до правды. В Лиге Добровольной Смерти строгие законы. Наивно полагать, что журналисту из России, даже учитывая интерес Лиги к этой стране, откроют секреты, распахнут перед Колчиным все двери, там не простак работают.

– И всё же меня мучают опасения.

– Наберись терпения, Рон! И прояви выдержку. Колчин – стреляный воробей, его на мякине не обманешь.

Над городом плыл серебристый дирижабль. Он появился со стороны заповедной зоны Старой Упсалы, древнего поселения, от которого осталась церковь XII века да могильные холмы. Красивый и загадочный, словно воздушный корабль под парусами, дирижабль бесшумно плыл в небе, вызывая удивление прохожих на улицах Упсалы. Многие восприняли полёт дирижабля за новый вид отдыха для туристов.

Подгоняемый ветром, дирижабль пролетел над Ботаническим садом, Большой площадью и Упсальским кафедральным собором, направляясь в сторону Лебединого пруда и пансионата Лиги Добровольной Смерти.

Над пансионатом воздушный корабль начал снижение, проплыл над корпусом «Х» – его называют Домом прощания, над садом с цветущими газонами. Над трубами котельной начал снижение, но вдруг снова быстро набрал высоту.

И тут на глазах опешивших горожан в воздухе появилась фигура человека. Зависла на мгновение, затем быстро устремилась к кабине дирижабля. Рассмотреть страховочный конец было невозможно, оказался на удивление тонкий.

Никто из тех, кто наблюдал за полётом дирижабля, не заметил одно обстоятельство. Вместе со вспышкой лазерной пушки, выстрелившей по системе видеонаблюдения в пансионате, в одну из труб котельной со снайперской точностью попал радиоуправляемый захват на сейлоновой нити. Захват напоминал разжатую детскую пятерню, пальцы которой по команде готовы сомкнуться в кулак, зацепив требуемую вещь. Захват и подцепил тонкий сейлоновый шнур с человеком на конце. Разумеется, сам по себе шнур из сейлона не мог оказаться в трубе котельной.

Исполнители достигли поставленной цели. Дирижабль быстро набрал высоту, одновременно подтягивая беглеца, и направился в сторону озера Меларен, а затем взял курс на Балтику. Не только Упсала, но и Стокгольм были полны слухов и разного рода предположений.

Накануне в фиордах Швеции засекли неизвестную атомную субмарину. Поговаривали о якобы имевшем место нападении исламских боевиков. Будто они выкрали человека, выдавшего Израилю секретные документы по ядерной программе Ирана, и который скрывался в пансионате ЛДС.

Вечером с разъяснением случившегося по телевидению в последних новостях выступил председатель Совета Лиги Добровольной Смерти господин Тосс. Отвечая на вопрос корреспондента, он опроверг слухи о боевиках исламского движения, но вынужден был признать, что произошёл побег из корпуса «Х».

– Побег был спланирован заранее, и тщательно продуман, – сказал в конце интервью доктор Тосс. – К сожалению, не обошлось без помощи специалистов, которые вели работы по ремонту и подготовке котельной к новому отопительному сезону. Оказались причастны и другие люди, кто использовал дирижабль. Начато серьёзное расследование. Будут предприняты меры, чтоб ничего подобного не повторилось...

– Как ответил бы наш главный редактор, чует моё сердце: побег совершил Колчин! – восторженно заявил Говард жене и выключил телевизор. – Сказывается выучка морского спецназовца.

– Владимир служил в Военно-Морском флоте? – удивилась Хилеви.

– В молодости Колчин окончил Высшее военно-морское училище подводного плавания и командовал элитной диверсионной группой. Их забрасывали для выполнения боевого задания не с воздуха, а с подводной лодки. Подходила подлодка на глубине к чужим берегам, и группа в гидрокостюмах со специальной техникой для плавания, в полном боевом снаряжении покидала корабль через торпедные аппараты. Видел его на фотографиях той поры. Стоит в форме капитан-лейтенанта перед строем боевых пловцов, отдаёт приказ, приложив руку к головному убору.

– И стал журналистом...

– Говорит, охладел к воинской службе. Печатался в газетах и журналах, поступил в Московский университет...

– Зашёл слишком далеко, коль вынужден бежать, – сказала Хилеви. – Жди его репортажи о делах в пансионате Лиги. Шуму наделает!..

– Да что там исключительного можно увидеть? Умом тронувшихся? Нормальные люди о смерти не думают. Нормальные стараются определиться в реальной, а не загробной жизни. Совсем уж свихнувшиеся думают о рае, не теряют надежды попасть в рай, а на земле, смирившись, влачат жалкое существование. Бьют поклоны, но пальцем о палец не ударят, чтобы изменить своё положение к лучшему.

– Ты плохо знаешь Колчина. Рисковать без определённой цели он не станет.

«Вы стары и одиноки? Вы устали от безнадежных хождений по больницам? И вам нечем больше оплачивать счета за услуги врачей?»

Вы бедны, завтра у вас будет нечего есть, и вы готовы броситься вниз головой из окна высотного дома? Безработица гнёт вас, и стыдно стало смотреть в глаза родным и близким?

Вы разорены, вам не удалось выбраться из петли финансового кризиса, и ваша фирма полностью обанкротилась...

А может, вы разуверились в «безграничных возможностях» стать миллионером, кинозвездой, знаменитым футболистом?

Вам опостылела жизнь главы фирмы или банка, постоянная гонка за быстро растущими ценами на горючее и продовольствие, меняющимися обстоятельствами на рынке? Вам надоела ругань с подчинёнными, которые ноют, что им мало платят, а сами плохо справляются с должностными обязанностями? А тут ко всему приставания мздоимцев из министерства, которые за каждую подпись на документе требуют долю?

Вы напуганы безвыходностью положения, в каком оказались? Сохраняйте присутствие духа и улыбайтесь. У вас есть надёжный проводник. Обо всём уже подумали специалисты, выход есть из тупика. Стоит лишь обратиться в пансионат Лиги за консультацией. Звоните и приходите, мы ждём! Всё будет хорошо! Будьте оптимистом – и спокойная жизнь вам обеспечена. Доверие к нам – залог ваших положительных эмоций, хорошего настроения. Никому не позволяйте распоряжаться своей жизнью. У вас есть мы, ваша защита и опора.

К вашим услугам отлично обученный персонал, уютные комнаты с добротной и удобной мебелью, вкусная пища, лечение и массаж. Здоровый сон восстановит ваши нервы. Звоните прямо сейчас!».

До знакомства с Колчиным Рон не обращал внимания на рекламные объявления, на плакаты с красивыми женщинами с загадочной улыбкой, строгого вида мускулистых мужчин. Такие плакаты он видел на улицах Праги и Варшавы, Кёльна и Санкт-Петербурга. В Нью-Йорке

они пестрят на Бродвее и Пятой авеню. Прилетел на Мальдивы, в столице увидел рекламу Лиги Добровольной Смерти возле публичной библиотеки.

А сколько буклетов разложено на столиках в холлах гостиниц и в книжных магазинах, в аптеках. Сколько раздаётся при входе в метро и на вокзалах, на автозаправочных станциях, в поездах.

Не обращал внимания потому, что читать подобное считалось признаком дурного вкуса, плохого воспитания. Как все здравомыслящие люди его возраста и положения считал: стыдно здоровому человеку проявлять интерес к советам и наставлениям ЛДС. Хотя многих людей в городах Европы и США реклама притягивала. Уж больно много хорошего сулилось. «Вы напуганы безвыходностью положения, в каком оказались?.. Звоните и приходите, мы ждём вас»...

Забрав буклет, человек в уединении прочитывал то, что ему предлагалось. Поразмыслив, на всякий случай заносил в записную книжку или в память мобильного телефона адрес пансионата и куда звонить. Конечно, он не собирался обращаться за советом, но вдруг понадобится консультация. Будешь потом жалеть, что не записал, выбросил рекламу, и нервничать из-за пустяка.

Вдруг... На самом деле мысль о подобном исходе появлялась в минуты отчаяния, когда готов бежать куда глаза глядят. Только бы укрыться от кошмаров, не наломать в горячке дров. Есть спасительный адрес под рукой, оно и спокойнее. Соломинка для утопающего. Мелочь вроде, а надежду вселяет.

Так поступают люди по той причине, что жизнь у них складывается неудачно, а то и в безвыходности. Предполагаешь одно, а в действительности всё идёт наоборот, сваливается куча проблем. Не зря сказано: человек предполагает, а Господь располагает. Приходится преодолевать неудачи и разочарования, искать выход из тупика. И вроде выкарабкался, но не успел дух перевести, как новая беда.

Отчаявшись, кто-то пытается залить мучения водкой, а то и наркотиками. Только бы забыться, не сойти с ума. В пьяной голове вроде наступает просветление, люди кажутся добрыми, ты им интересен, и сам хоть куда. Но проспиртись... И спешишь продать последний костюм, пойдёшь на убийство – только бы достать немного денег, выпить, уйти скорее от реальности. Итог – белая горячка, психоневрологическая больница.

Говард воспринимал рекламу Лиги Добровольной Смерти как аномалию в обществе. Люди его возраста и положения должны думать о благе и находить пути для реализации собственных возможностей, а не ныть и сдаваться.

Думать о смерти, считал Говард, противоестественно. Выход при желании можно найти из любого положения. Человек даже преклонных лет, измученный болями, при твёрдом характере и неутраченной решимости может провести дни с пользой. Понятно, болезнь не красит человека, и путь в Лигу спасительная возможность прекратить мучения. Но к услугам ЛДС, что удивляло и обескураживало, прибегали здоровые и сильные мужчины, впавшие в депрессию. Женщины, потерявшие по воле обстоятельств любимых, семью. Видимо, судьба, представляя попавшему в беду шанс на избавление от мук, совершает свои ошибки, и направляет подвластного ей в другую сторону, когда и ангелы заплачут.

Выводило Рона из душевного равновесия, а порой бесило то, что по телевидению в России повсеместны темы о растерзанном человеке, о маньяках, убивающих детей и женщин. Никаких запретов по закону и морали. Переболела Америка, подхватила Россия.

Что там подхватила! Перешеголяла по уровню жестокости и вседозволенности. Гонят по всем каналам сериалы о насилии с таким упрямством и ненасытной алчностью, забывая об обратной реакции телезрителей, среди которых обязательно отыщется проходимец, готовый увиденное повторить в реальности, чтоб удовлетворить больное воображение. Стало страшно

девушке или подростку выйти вечером на улицу. Убьют, сожгут на костре или утопят с садистской жестокостью.

Никто подобный морально-психологический беспредел не останавливает. Ни правительство, ни депутаты, которые в интересах народа призваны контролировать работу министерств и ведомств, полиции. Не обращают внимания народные избранники на то, что общество морально перерождается, деградирует. Насилуют в подъездах малолетних детей, изверги издеваются над школьницами, заманивая их в безлюдные места, а чтобы молчали, – выкалывают глаза и отрезают языки.

Насмотревшись фильмов ужасов, молодые сатанисты приносят в жертву дьяволу своих сверстников. В Старой Руссе под Новгородом, «Ночные ангелы» совершили ритуальное убийство в православном храме, вломившись туда во время службы, открыв стрельбу и нанося удары ритуальными топорами...

Глава 6

Репортажи Владимира Колчина в газете «День», затем в «Свенска Дагбладет», перепечатанные «Фигаро» и «Гардиан» и обеспечившие автору успех, заставили Рона Говарда переосмыслить свои взгляды на проблему эвтаназии, серьёзно подумать о работе Лиги Добровольной Смерти. До последнего времени, если говорить серьёзно, Рон рассматривал проблему обывательски. Есть Лига, нет её, – ему безразлично. А что сосед ушёл из дома и оказался в пансионате Лиги, докапываться до сути, выпрашивать – не его ума дело. Не принято вмешиваться в чужие хлопоты, поднимать тревогу. Есть полиция, она пусть и разбирается.

После того, как репортёр из России побывал в Доме прозрения пансионата Лиги, каким-то чудом проник в Дом последней ночи, и написал свои репортажи, приоткрыв тайну жизни клиентов этого заведения, а главное – своими глазами увидел в корпусе «Х» исполнение воли клиента, попросту исполнение приговора консилиума врачей и представителей закона, Рон серьёзно задумался над проблемой правомочности существования Лиги Добровольной Смерти.

Как журналист Рон по-хорошему завидовал Колчину, который сумел раскопать такой материал и обнародовал. Показал изнутри работу этой организации. И где: под боком у Говарда. Правильно сказано: мы ленивы и нелюбопытны. Сто раз пройдём мимо глухого высокого забора, но не удосужимся поинтересоваться: а что делается за этим забором? Что за народ там обитает? Произойдёт вопиющее безобразие, схватимся за голову: просмотрели.

Уже второй репортаж Колчина Рон читал на полосе родной газеты. Дежурил по номеру, верстал и вычитывал материалы, чтоб избежать ошибок, убирал «хвосты» статей, которые вышли за рамки объёма. Попросту сокращал лишнее. Освободившись, прочёл публикацию уже спокойно, долго обдумывал, убеждаясь в том, что Колчин копнул глубоко.

Интерес читателей к публикациям Колчина оказался настолько велик, что во Франции номер газеты «Фигаро» со вторым репортажем разошёлся двойным тиражом. Впервые за годы существования Лиги никто ничего подобного не писал о буднях пансионата, его сотрудниках и обитателях. Особенно о работе корпуса «Х», проще Дома прощания. Люди без комплексов называют это место бойней.

В корпусе «Х» клиенты задерживались не более двух суток и прощались с жизнью. Возвратить их назад было невозможно. Никакие даже самые веские доводы не принимались во внимание. Переступив порог Дома прощания, клиент подписывал себе окончательное решение. Быть или не быть? – такой вопрос имел смысл только до порога корпуса «Х». В противном случае, как полагали специалисты пансионата, авторитет их заведения мог потерять доверие общественности. Коль принято решение, то оно окончательное и бесповоротное.

Скандалные новости, как известно, разносятся по свету молниеносно. В особенности, если это касается лишения жизни.

Из стен пансионата Лиги никакой информации, которая могла, пусть в малой степени, скомпрометировать высокую репутацию фирмы, до сих пор не просачивалось. Имена, по крайней мере, десятка специалистов держались в строжайшем секрете. Как и работа этих специалистов. Они готовили и провожали клиента Лиги в последний путь. За разглашение тайны Совет ЛДС выносил суровое наказание.

Доктор Тосс не любил, когда к Лиге применялось понятие «фирма». Он без устали повторял: Лига – это община! – община свободных людей, наделенных заботой о ближнем. В статье, которую доктор Тосс опубликовал в шведском медицинском журнале, он прямо заявлял: желающие покончить с жизнью, должны получить возможность обратиться за помощью. «Они имеют право мирно заснуть, приняв «таблетку смерти». Только в обществе свободного предпринимательства, утверждал Тосс, человек по-настоящему волен и вправе распоряжаться

своей жизнью. Надо дать ему его право, надо охранять и беречь это право, бороться за это право.

Первым из репортёров Колчин, заинтересовавшись работой Лиги Добровольной Смерти, не только наблюдал за подготовкой клиентов к смерти по их завещанию, но и сам переступил порог, который отделяет человека от вечности, – жил в корпусе «Х». Видимо, неизбежность участия в эвтаназии лично, поставила Колчина перед необходимостью бежать из пансионата.

В печати, правда, появлялись интервью с руководством ЛДС. В них приоткрывалась завеса молчания о смерти граждан, если последнее оговаривалось в договоре как одно из требований клиента. Тогда печатался в газете некролог.

Но о процессе подготовки клиента к смерти, способах эвтаназии, – об этом люди узнали из репортажей русского журналиста.

Обратившись за помощью в Лигу Добровольной Смерти, человек получал направление в пансионат. Новенького поселяли в Доме прозрения (доктор Рагнер Тосс предложил дать такое название в память о Клубе прозрения), окружали вниманием и заботой. Врачи и обслуживающий персонал старались создать пациенту комфортные условия для проживания, чтобы облегчить жизнь, ставшую невыносимо тяжелой и беспросветной.

Вызывало восхищение само здание: белокаменный корпус с отделкой мрамором, овальными потолками в вестибюле и по всему зданию. Широкий коридор тянется от вестибюля до дальней покольной стены. В коридоре по центру два ряда составленных друг к другу кресел. В конце коридора широкие мраморные лестницы на второй этаж, он напоминает бельэтаж. Здесь и расположены комнаты клиентов.

Глухая стена здания выполнена в виде сплошного окна, за которым начинается парк: ели и берёзы, дальше дубовая рощица, а за ней – зелёный овраг с речкой, притоком Фюрис. Таким образом, жизнь в пансионате продолжается в гармонии с окружающим миром. Клиенту пансионата не возбраняются прогулки по парку, он вправе посидеть с удочкой на берегу речки.

На первом этаже – кинозал, библиотека, театральная студия. На бельэтаже, в холлах, где медицинские посты, радуют глаз уголки с фикусами, цветущими филодендронами, монстерами.

Жилые комнаты клиентов обставлены дорогой мебелью. Каждая комната – с душевой и туалетом, отдельно спальня, уголок для работы: письменный стол с компьютером, телевизор, холодильник. Во всём корпусе скандинавский дизайн – эмигрантские сундуки, картины Сандры Рассел, массивные столы из дуба.

В коридорах и холлах, в жилых комнатах – идеальная чистота, полный покой. Пройдёт кто из медперсонала или прислуга с подносом, затихнут шаги и зависает тишина. Только медсёстры на постах бодрствуют, оберегая покой, да охрана при входе и в дальнем углу каждого из этажей.

В таком тихом пристанище, писал журналист Колчин, невольно возникает мысль: когда омерзает суетный мир, опротивеют лживые люди с их ничтожными делами, когда человек ищет только примирения и душевного успокоения, невозможно найти более мирный и успокаивающий приют. Здесь и жить в радость, и умереть готов с наслаждением. Словно ты не умираешь, а возносишься на небеса...

Любого, кто впервые переступит порог пансионата, удивит парк: широкие газоны с цветущими розами и беломраморными статуями, между газонами асфальтовые дорожки кирпичного цвета. Под кустами жасмина зелёные скамейки для отдыха. Берёзовые аллеи пролегали во все стороны парка, приятно по ним гулять, особенно в пору листопада, когда жёлтые и багряные листья тихо падают на асфальт, на зелёную подстриженную траву газонов, словно роняет осень прощальные аккорды фортепиано...

Два месяца желающий получить право на эвтаназию живёт в пансионате по мягкому режиму, имея возможность обдумать решение, написать заявление с просьбой поставить на

учёт и подготовить договор с Лигой. За два месяца клиент вправе отказаться от своего намерения и вернуться к прежнему продолжению бытия и мирски наслаждаться, совершая прежние деяния и поступки. Или стать затворником, посвятить себя служению Господу.

Администрация пансионата и обслуживающий персонал придерживаются строгого правила: никакого принуждения, никаких уговоров. Человек волен распорядиться своей жизнью так, как ему подсказывает разум. Задача коллектива пансионата – не только предоставить клиенту возможность самостоятельного выбора, но и охранять это право от постороннего вмешательства.

Подав заявление и получив разрешение поселиться в пансионате, клиент в Доме прозрения не лишён возможности посещать театр, ходить на выставки, волен встречаться с родными. Последнее особо приветствуется администрацией, поскольку беседы в кругу близких людей либо убеждают человека в правильности задуманного, либо родня делает всё возможное, чтобы отговорить сбившегося с пути не бросаться головой в омут.

В том и другом случае обе стороны остаются удовлетворёнными. Специалисты пансионата не испытывают вины, а родственники после эвтаназии не поднимают скандала, не бегают по судам, доказывая, что их мнением никто не интересовался.

Тут Колчин делает важное уточнение. В Доме прозрения клиент в обязательном порядке проходит психологическую обработку. Врачи должны точно определить психическую устойчивость личности, твёрдую его уверенность в избранном пути. Проще говоря, врачи либо подтолкнут клиента к эвтаназии, либо на всю оставшуюся жизнь отобьют охоту играть со смертью. И те, кто вернулся из пансионата ЛДС, после пережитого в Лиге остаются счастливы до конца дней своих. Общество получает от них только пользу, что надо поставить Лиге в заслугу.

Работая с клиентами, специалисты Лиги Добровольной Смерти нередко получают ценную информацию о членах правительства, сенаторах и лордах, крупных бизнесменах. И случается так, что иной политик или министр, выступив с критикой в адрес Лиги, через день-другой читает в утренней или вечерней газете скандальную информацию о собственной персоне.

Нечто подобное произошло, в частности, с председателем Следственного комитета. Что о нём знали?

Видный юрист, доктор наук, высказался нелицеприятно в адрес Лиги Добровольной Смерти, заявив, что не следует торопиться с размещением филиала Лиги в Подмоскowie, мол, в делах ЛДС много тёмных пятен, есть подозрение на нелегальную торговлю человеческими органами.

И тут же на страницах газеты «Московский комсомолец» появилась статья Александра Хинштейна «Богемское право». В ней подробно рассказывалось о том, что главный следователь России много лет тайно ведёт собственный бизнес в Чехии, у него есть фирма «Богемское право», она занимается торговлей недвижимостью. Три квартиры в центре Праги, а одна за городом – собственность четы. «Словом, есть, где разгуляться, – возмущался автор статьи. – Цены на пражскую недвижимость растут как на дрожжах – три тысячи евро за квадратный метр... Понятно, что за хозяйством нужен глаз да глаз. Вероятно, по этой причине председатель летал в Чехию с завидной регулярностью. При этом умудрился оформить себе... двухлетнюю предпринимательскую визу. Она была выдана чешской полицией и продолжает действовать до сих пор. Причём поставлена она в... его служебном паспорте»...

Следователю пришлось спешно оставить кресло председателя Следственного комитета, чтоб самому не оказаться под следствием.

«Благими намерениями вымощена дорога в ад, – указывал в одном из репортажей Колчин, – дни, которые провёл в пансионате, доверительные беседы со специалистами, имена и фамилии кого по вполне понятным причинам назвать не могу, но готов представить по требованию Международного трибунала, дают мне право утверждать: в деятельности Лиги Добровольной Смерти случались ошибки. Как юридического, так и медицинского характера.

Возможность злоупотреблений, измены профессиональному долгу не исключена, чем и не пренебрегают воспользоваться при случае не чистые на руку. Опытному врачу без надобности доказывать, что существует много способов спрятать концы в воду, выдав желаемый для кого-то диагноз как истинный и отправить на смерть человека, у которого есть все шансы на выздоровление.

Десятки клиник в Европе и США стоят в очереди за донорскими органами, платят немалые деньги за печень или почки, чтобы пересадить их состоятельному больному, который лежит в ожидании спасения, ждёт и не дожждётся, когда кто-то повесится. Или попадёт под поезд, колёса автомобиля. Что жалеть разочаровавшегося в жизни или покалеченного, если толстосумы готовы платить миллионы, только бы пожить дольше. Извечна простая истина: одни едят, чтобы жить, а другие живут, чтобы есть. Бесчисленные аварии на дорогах – поставленная на конвейер торговля человеческими органами. Одни устраивают аварии, другие отправляют пострадавших на тот свет, изымая их органы для продажи.

В этом нет ничего удивительного. Спрос на донорские органы растёт во всех западных странах. По оценкам специалистов, почти 60 тысяч больных в Западной Европе ждут орган для пересадки. Среднее время ожидания выросло до 10 лет, говорится в докладе Парламентской ассамблеи Совета Европы.

Эми Фридман, профессор хирургии медицинского факультета Йельского университета в *British Medical Journal* пишет: «Спрос на трансплантацию органов для спасения жизни настолько опережает предложение, что ожидающие пациенты в отчаянии»...

Деньги не пахнут... Мудрое изречение императора Веспасиана и сегодня в обиходе. Император так ответил сыну, который укорил отца в жадности. Римский император Тит Флавий Веспасиан первым додумался ввести плату за пользование туалетами»...

Прогуливаясь по городу, Говард обдумывал репортажи Колчина, и невольно сворачивал к пансионату Лиги, проходил мимо глухих ворот проходной.

Территория с постройками за высоким забором с охранной сигнализацией и камерами видеонаблюдения, ухоженная и безлюдная, с аккуратно подстриженными газонами и лужайками впрямь напоминала тишиной приют свидетелей Иеговы. Там тоже всё тихо и пристойно, только к вечеру стекается молчаливый народ – женщины и дети, мужчины – и проваливаются в распахиваемую дверь, исчезают беззвучно.

Не оставляла Рона в покое одна мысль: как сумел Колчин втереться в доверие администрации пансионата, затем бежать? Откуда взялся дирижабль? Бежать пришлось, конечно, по простой причине: через проходную охрана не пропустила бы, много знал. Если судить по репортажу «Дом последней ночи», Владимир жил в этом корпусе. Под крышей Дома последней ночи клиенты, заканчивающие свой земной путь, получают право на исполнение любого желания.

Рассказал Колчин о некоей Зинаиде, её многие сотрудники называют русской Клеопатрой. Издевательства и унижения, которые она перенесла в девичестве, подвигли красивую женщину на искреннее служение культу Молоха. Жрица храма Молоха, как Зинаида себя называла, она старалась хотя бы малым восполнить то упущенное, что недополучили в жизни клиенты пансионата. В древности, поклоняясь Молоху, женщины приносили в жертву самое дорогое – детей. Зинаида дарила себя.

Легенда о русской Клеопатре с лёгкой руки Колчина пошла гулять по миру. Поведал репортёр, как ласково и нежно общалась Зинаида с клиентом в последнюю его ночь. Она уединялась с избранником в его комнате. Дежурный персонал не нарушал покой пары, понимая суть происходящего.

Утром журналист увидел, как клиента, с которым общалась Зинаида, повели в операционную. Мужчина выглядел спокойным, на лице не прослеживалось и следа страха.

Через час из операционной отправили на кремацию ещё не остывшее тело мужчины. Колчину открылась вдруг простая истина: жизнь человека зависит от окружающих условий бытия. Меняются условия, в которых ты находишься, меняется и отношение к явлениям действительности. Либо ты цепляешься за самую малую возможность выжить, либо, доведённый до отчаяния, расстаёшься с миром в ожидании, что все метания, наконец, прекратятся, так как жил по принципу: «Да, да – нет, нет, а что сверх того, то от лукавого».

Не всё мог узнать и поведать читателям репортёр из России. Наверное, думал Говард, кто-то из служащих пансионата тайно ведёт дневники с намерением опубликовать их и поведать о пережитом после ухода из пансионата. Или после своей смерти, передав записи кому-то из родных или знакомых. Один такой, но должен отыскаться в корпусе «Х», где приводят в исполнение смертный приговор.

Уж больно заманчивая идея: работать в закрытом заведении, видеть смерть знаменитостей, знать их последнее желание. Знать и молчать? Унести с собой в могилу?

Рано или поздно даже под присягой, которую ты дал письменно и устно, кто-то должен нарушить обет молчания и рассказать о жизни пансионата в обыденной обстановке и в обыденное время. Это будет сенсация большого масштаба. И почему судьба не может обласкать своим вниманием Рона? Оказался бы дневник в руках Рона... Такой случай журналисту выпадает раз. Поймав удачу, Говард получил бы широкую известность. Только поведёт расследование не для удовлетворения журналистских амбиций, думал Говард, а для полного понимания сути происходящего в Лиге, которое скрыто от широкой общественности.

Почему и нет? Рон не лишён был тщеславия, и хотел, чтобы о нём тоже говорили. Говард ощутил потребность ознакомиться с бытом пансионата Лиги поближе и, быть может, собственными глазами увидеть порог, который отделяет человека от вечности. Живёт Говард в Упсале, многократно проезжал, и будет проезжать мимо наглухо закрытых ворот пансионата. Надо действовать, а не ждать, когда удача повернётся к тебе лицом. Везёт тому, кто везёт свой воз.

Так размышлял Говард, склоняясь к одному твёрдому решению: он должен повидаться с Колчиным, о многом расспросить его, чтоб не ломиться в открытую дверь. Процесс захватил его. Поднята большая буча, миром дело не закончится. Оставаться в стороне Рон не хотел.

– Ты какой-то потерянный, – заметила Хилеви за ужином. – Не находишь себе места, что-то бормочешь под нос.

– Как он смог бежать из пансионата Лиги?

– Ты о Колчине?

– О нём. Не зря служил в морском спецназе.

– Намерен встретиться с ним? – догадалась Хилеви.

– Надо лететь в Москву. Встреча с Колчиным многое прояснит. Ты полетишь со мной?

А то мы всё врозь да врозь...

– Спихватился! Раньше бы подумал о жене...

– Что имеешь в виду?

– Прости, сорвалось с языка... Нечего мне делать в Москве. Ты расследованием займёшься, а мне сидеть в отеле? Красную площадь с Мавзолеем и храмом Василия Блаженного видела...

В приступе нежности Рон обнял жену, начал покрывать поцелуями лицо и грудь Хилеви.

– Вот всегда так, – ответила Хилеви, – сначала доведёшь до слёз, а затем... – Хилеви уступила...

Порывался Рон и раньше поговорить с Хилеви, приголубить. Часто ли откровенничают? Если виноват Рон, то почему Хилеви не начнёт разговор, чтоб излить душу и расставить всё по местам? Он пытался осознать причину их отчуждения, но что-то сдерживало, вспомнил отца, уж он наверняка подсказал бы выход, пусть и отругал бы Рона.

Этого Рон заслужил. Пора бы взяться за ум, не витать в облаках и не рассчитывать на одинаковое с ним понимание бытия другими. Могут быть расхождения, в них разобраться надо, а не отметать как надуманные. А у него подход, как у многих мужчин: жена должна быть простой и понятной, домоседкой. Так оно спокойнее.

Много ли он знает о жене? Если говорить прямо, Говарду ничего не было известно о том, как прошла молодость Хилеви. Знал, что родилась в Стокгольме, училась в гимназии. В студенческую пору случилось в жизни Хилеви событие, омрачившее существование, но никому она не рассказывала. Рон и не настаивал. Видимо, была у Хилеви любовь, но из этого ничего не вышло, её крепко обидели. Пыталась вырваться из порочного круга, но молодой человек не оставлял в покое, преследовал и мстил.

С переменой места жительства Хилеви вздохнула свободно, выйдя замуж за Говарда, она утаила от него прежние свои неурядицы, надеясь, что ничто больше не заставит страдать. А коль и случится что подобное, сумеет за себя постоять.

Что греха таить, тугодум и упрямец по натуре, Говард не привык плыть по течению и делать поспешные выводы. Он предпочитал учиться на чужих ошибках. Иногда говорил: на собственных ошибках учатся лишь дураки. К числу положительных качеств своего характера Рон относил то, что он не разменивался по мелочам. Неприятности встречал без суеты и паники, не отступал от намеченной цели, стойко преодолевая преграды, не вводя себя в заблуждение. И на пути к истине, когда проявляется ясность, очевидность сущего, не сбить его никакими уговорами или страшилками.

С такой же меркой подходил и к Хилеви, требуя от неё, наверное, больше того, что могла, чем причинял обиду, но не замечал. Как не замечал и того, что Хилеви так и не привыкла к мужу. Не стала для Рона опорой в житейских ситуациях. Оставалась сама по себе, а муж... Сам себе судия и первый ответчик.

Работа с туристами тяготила. Подобрать бы что более значимое, соизмеримое с работой мужа. Тогда бы у них оказались общие интересы, что сблизило бы их, скрасило жизнь. Пыталась Хилеви найти, но ничего приемлемого найти не смогла...

Под конец, уже смирившись с участью, Хилеви неожиданно для себя самой получила предложение от руководства пансионата Лиги. Однако признаться мужу о своём намерении сменить место работы не решилась, сохранила в тайне.

Порой Рона обижало, что Хилеви ни разу не поинтересовалась, как идут его дела в редакции. Что нового узнал, побывав в командировке. И остолбенел однажды, когда девочка из квартиры этажом ниже, обычно доверчиво рассказывающая Рону во дворе на спортплощадке о своих маленьких открытиях, которая только учится жить, вдруг с серьёзным видом взрослого спросила:

– Дядя Рон, а над чем ты сейчас работаешь?

Рон замер от неожиданности, сбивчиво поведал о новой книге, выхода которой ждёт. И даже подтянулся внутренне, чтоб выглядеть достойно.

Весь вечер он просидел за письменным столом, потерянный и поражённый искренностью девочки. Этой маленькой женщины.

После случившегося Рон заговорил с Хилеви, прямо высказал ей, что она чёрствый человек, не вникает в круг его профессиональных забот и поисков.

– Ты многого обо мне не знаешь, – последовал ответ.

– Так не таись! Давай сядем и выскажем друг другу всё прямо!

– Боюсь, ты будешь разочарован. Я обыкновенная женщина. Гусыня, так бы сказала. Но у меня есть свои привязанности и желания.

– Открой!

– И разойдёмся... Поговорим о чём-нибудь другом. Не будем портить друг другу настроение... – Хилеви надеялась на понимание, а его, понимания, в их семье и не было. – У меня хватает забот...

– Каких, расскажи!

– Ты можешь превратно истолковать моё признание и приписать мне что угодно.

– Тогда для чего живёшь со мной?

– Для чего жёны живут с мужьями? Для того чтоб детей воспитывать. И внуков нянчить...

Вспомнив стихотворение журналиста из редакции, Рон подошёл к жене со словами:

Ты не бойся, я тебя люблю.

Я так хочу, чтоб ты была спокойна

И знала б всё, что ты всегда со мной,

Никто не нужен нам, мы вместе, мы вдвоём...

– Чего же раньше не говорил об этом? – сказала Хилеви. – Жила в постоянном ожидании. Не жила, существовала...

Было ясно: Рон прозевал момент. Вместо того чтобы искать пути к сердцу и уму жены, он ждал. Скорее всего, по той причине, что ничем ей не мог помочь. Надеялся, что холодок их отношений изгладит время как самый надёжный целитель. Молчал и ждал.

А Хилеви страдала, пряча душевную боль. Не зря говорится: всякому своя рана больна. Хотела понять, почему оставаясь с Роном, чувствует себя более одинокой, отстранённой от друзей и знакомых, остального мира, если бы на самом деле была брошенной...

Глава 7

Москва задыхалась от жары, многокилометровых автомобильных пробок на улицах и проспектах, вдоль набережных Москва-реки и Яузы. Пешеходы ругались с водителями, а водители грызлись между собой в пробках. Доходило до драк и увечий. Город пришёл к пределу с обилием личного транспорта, отсутствием добротных стоянок и надёжных развязок в центре столицы.

Владельцы дорогих машин с пренебрежением смотрели на снующую толпу, норавли проскочить, требуя к себе уважения, но простодушный народ спешил и попадал под колёса. Возникал затор, поскольку полиция старалась разобраться в причинах аварии без спешки. Водители честили на чём свет стоит и виновника происшествия, и госинспекцию. Все оказывались втянутыми в водоворот городской жизни, из которой не было возможности выбраться.

К ночи город затихал, забив улицы машинами, оставленными у обочин и во дворах домов, на тротуарах и газонах. Скопление автотранспорта под окнами домов злило проживающих. Машины, истинные трудяги и мученики, дремали, прижимаясь боками, не повинные в участии, какую уготовили им хозяева, не позаботившиеся о местах стоянок для автотранспорта. Вскрихнет какая сработавшей охранной сигнализацией, заойкает в тишине и стыдливо умолкнет. От резкого повизгивания люди просыпались, звонили в полицию, но там лишь отмахивались от назойливых жалобщиков. Злость обиженные жильцы выкладывали в письмах правительству Москвы и мэру Собянину.

Дошло до массового поджога автомобилей. По ночам то в одном, то в другом районе, а то и в нескольких сразу, полыхали машины, оставленные у подъездов и на тротуарах. Госавтоинспекция не вдавалась в суть проблемы, пытаясь всю вину свалить на уличных хулиганов. Хотя поджигатели и являлись настоящими правдолюбцами, но максималистами по существу.

Терпение у мэра лопнуло, он потребовал открыть в центре города платные стоянки, ограничить проезд грузового автотранспорта.

Встреча с Колчиным не только прояснила ситуацию с происходящим в пансионате Лиги Добровольной Смерти, она заставила Говарда серьёзно подумать об эвтаназии, и том, что связано с ней и происходит в сложном переплетении с жизнью.

– Отрицал и отрицаю категорически утверждения некоторых политиков о праве личности на эвтаназию, – сказал Владимир резко и вышел из-за стола. – Демагоги, так называемые правдоискатели, свои утверждения основывают не на знании действительности, а на эмоциях, слепо принимая доводы сторонников эвтаназии на веру, забывая о падении морали, разъедающей общество корысти и вседозволенности. Вчера включил телевизор и оторопел от услышанного. Девушки популярного ансамбля расппевают: «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи»... И никакого тебе смущения у певиц, совестливости. Как это охарактеризовать? Конечно, распушенностью нравов и желанием выделиться.

Колчин прошёл к письменному столу, взял какую-то бумагу.

– Прочти... – И передал Рону разрозненные страницы. – Оставила тринадцатилетняя Эльза Кайтель из Германии. Девочка бросилась в ванну с соляной кислотой. Прочти, прочти... Есть над чем задуматься. Не всё оказалось случайностью и причудой взбалмошной девочки, как это объяснила следствию дирекция пансионата и руководство Лиги.

– Ты имеешь в виду девочку, о которой сообщалось, что она хотела лечь под пресс, а бесформенную массу своего тела завещала передать родителям для захоронения?

– Это была Эльза Кайтель. Её записки передаю тебе. Целомудрие взрослых и детей кануло в лету...

«Отчим отправил маму в город по делу. Отправил с одним намерением: избавиться от ее присутствия в доме. Возвратилась из школы, и попала в его грязные объятия. От похоти отчима трясёт, сорвал с меня одежду, повалил на пол. Боролась, как могла, и сколько хватило сил. Отчима моё сопротивление только распалило. Связал меня по рукам и ногам. Связав, начал насиловать. Я кричу от боли, а он наслаждается моими страданиями»...

«Как страшно и унижительно терпеть приставания отчима. После его домогательств кажется, что я с ног до головы грязная и липкая. Моюсь в душе, но сяду за стол и убегаю, выворачивает меня наизнанку при виде пищи. Не могу терпеть, не могу смотреть на ненавистное лицо с оттопыренными ушами. С ровесниками не встречаюсь, стыд угнетает и давит, а помалкиваю. Отчим угрожает тем, что лишит меня и маму наследства. Мама, думаю, догадывается о моих мучениях, но тоже молчит. Выход у меня один: отомстить за надругательство. И знаю как»...

– С этим надо разобраться! – не сдержал гнева Рон. – Таких насильников и класть под пресс! Другой управы на них нет! Поймают на месте преступления, осудят, а через год, смотришь, разгуливает на свободе. Помиловали за примерное поведение...

– Разберись! В Лиге на подобные факты закрывают глаза, а ты займись расследованием и доведи дело до логического завершения. Мы с тобой журналисты, и у нас до всего должно быть дело. Кто расскажет правду, если не мы? Эльза выбрала для себя жестокий способ ухода из жизни – смерть под прессом, – рассказал Колчин. – Человека под наркозом кладут на матрицу прессы. Под ударом подвижной части пресса клиента расплющивает, как цыплёнка. Смотреть невыносимо, похоже на пыточные Средневековья. Девочка избрала для себя подобный исход, чтоб жестокостью ответить на жестокость.

Из рассказа Говард уяснил, что подобный способ избирают люди обиженные или обозлённые – не сложились отношения в семье, довели до крайности измены. Или слишком далеко зашёл конфликт по месту работы. По условиям договора пансионат обязан отправить раздавленный в лепёшку труп по адресу, какой указал покойный.

– Практикуют в пансионате и другие способы убийства, – делился наблюдениями Колчин. – Укол – самое безобидное и щадящее средство. Далее идут всевозможные отравления – быстрые или медленные, газами или жидкостями, мгновенные или со страданиями. Может показаться странным, но широко применяются «архаические». По завещанию человека могут утопить в проруби, повесить на дереве или вытолкнуть из окна.

Находились чудачки, кому нравился «удар молнии». Своего рода электрический стул, но приближённый по обстановке к удару молнии в грозу. В специальной оранжерее с пальмами, елями, берёзами создан в пансионате уголок живой природы. Человек прогуливается, но тут начинается дождик. Клиент прячется под дерево. И тут происходит раскат грома с мощным электрическим разрядом.

Способ считается малопривлекательным. Наверное, по той причине, что обугленный труп представляет отвратительное зрелище.

Одна почтенная дама потребовала, чтобы её уход из жизни был обставлен а ля «казнь Марии Стюарт». Старушка желала пережить ощущения, какие испытывала претендовавшая на английский престол Мария Стюарт.

За осуществление подобного действия дама внесла в кассу полтора миллиона долларов. И ещё одиннадцать миллионов долларов заплатила Лиге известная английская телекомпания за право вести съёмки казни.

Женщина оказалась не одинокой в садомазохистских желаниях. Больная раком француженка, потребовав применить к ней «удар молнии», захотела, чтобы за её кончиной наблюдали близкие ей люди. И оплатила их перелёт в оба конца.

– Ты участвовал в казнях? – спросил вдруг Говард и пристально посмотрел на Колчина.
– Это не казнь, а выполнение воли клиента. Обряд прощания. Так принято говорить в пансионате. Обряд прощания... Красиво и безобидно.

– Ты принимал участие... в этом... как его... в обряде прощания? – повторил вопрос Говард.

– Напрасно нервничаешь. Не принимал. Экий вы народ, шведы!.. Но мой черёд наступил. В корпусе «Х» твоё участие в эвтаназии – своего рода посвящение в число приближённых и особо доверенных лиц. Из их числа руководство Лиги отбирает специалистов, которые проводят, как ты выразился, казни. Принял участие в эвтаназии – это заносится в секретные архивные документы. Ты уже не вправе осуждать других. Ты с этого времени в ответе за дела, которые происходят в пансионате Лиги. Тебе доверие, с тебя спрос. Я знал, что в пансионате практикуется подобное испытание, и убежал, не дожидаясь финала. Подготовился заранее. Открою секрет. В Упсалу я прилетал за три месяца до того, как ты встретил меня в аэропорту Арланда.

– Дела!.. – только и промолвил Говард.

В пору таяния снегов, когда речка Фюрис, приняв талые воды, билась в каменных берегах, и шум её на перекатах хорошо был слышен в вечерней тишине, когда галки, ошалеv от весны и брачных игр, кричали особенно громко, в пансионат Лиги Добровольной Смерти из Москвы прибыл Платон Лебедев. Энергичный предприниматель переступил порог проходной, и крепкая дверь захлопнулась за ним на замок. Захлопнулась автоматически, теперь открыть с пульта мог только сотрудник охраны.

Гость оглянулся, но решительно отбросил сомнения, улыбнулся, посмотрев на охранника, и подал ему свой паспорт. Полистав его и сличив оригинал с фотографией на книжце, охранник отдал честь:

– Добро пожаловать, господин Лебедев. Вас ждут.

В кабинете директора, куда проводил посыльный, Платон без лишних слов доложил о цели визита.

– Моё намерение – занять в Лиге достойное место. Хочу показать себя в должности директора распорядительной службы. Место, как мне известно, вакантно. Предварительный отбор прошёл.

– Должность пока свободна. И претенденты имеются, – ответил директор пансионата Гюнтер Линд с улыбкой. По выражению его круглого лица можно было понять: много тут вас набилось. – Руководство Лиги остановило свой выбор на вашей кандидатуре. Где работали в Москве?

– У меня крупная туристическая фирма, офис в центре столицы.

– Вам придётся перебраться в Упсалу. У вас семья, как понимаю...

– Я холост, – ответил Платон, а сам подумал: «Хитри, хитри. Уж справки служба безопасности наводила». – Лига Добровольной Смерти открывает такие возможности, о которых деловому человеку приходится мечтать. Накопленный здесь опыт и мои знания пригодятся Совету Лиги, если вы откроете свой филиал в Подмосковье.

Директор выслушал с большим вниманием, улыбнулся.

– У вас есть близкие вам люди в правительстве... – Гюнтер Линд назвал несколько известных в России фамилий. – Это нам импонирует.

– Вы хорошо осведомлены, – ответил Лебедев с улыбкой.

– Работа такая. Мы должны знать, с кем имеем дело...

– Согласен. Как говорится, доверяй, но проверяй.

Директор кивнул головой и произнёс:

– Вы производите хорошее впечатление. Но вам следует встретиться с доктором Тоссом. Он ждёт вас.

Доктор Рагнер Тосс сидел за массивным письменным столом, на краю которого стояли в ряд скоросшиватели с документами. На каждой папке значилось её назначение. За папками с документами фарфоровая скульптурка: ироническое изображение пса в кресле – синяя рубашка с ослабленным узлом галстука. На постаменте надпись: «Устал как собака». Подальше стояла красивая настольная лампа и небольшой бюст Сократа.

Справа на приставном столике с выдвижными ящиками теснились телефоны – городской, местные, прямой связи с министерствами, риксдагом, прокуратурой и судами, полицией. И рядом фотографии в серебряных рамках: девочка с теннисной ракеткой в руках, мальчик, прыгающий на батуте, – видимо, внучата.

Перед Платоном Лебедевым предстал пятидесятилетний мужчина, полный сил, умудрённый жизнью, а Платон думал, что встретит старичка, давно утратившего интерес ко всему сущему, кроме служебных дел. Белый халат, обязательный для персонала Лиги, шёл доктору Тоссу. Накладывала свой отпечаток и прежняя работа в клинике общей хирургии. Седые виски, аккуратно подстриженные усы... Это делало сухощавого Тосса похожим на профессора медицинской академии.

При появлении гостя Рагнер Тосс встал, вышел из-за стола навстречу и подал руку для знакомства.

– Как долетели?

– Прекрасно! Не в Нью-Йорк лететь, когда ты восемь часов в воздухе.

– Мне доложили, что вы желаете применить свои силы и опыт на поприще добра?

– Полагаю, мои услуги, как уже говорил в дирекции пансионата, понадобятся, когда вы откроете пансионат в России. Последнее и побудило заявить о себе. – Платон говорил на полном серьёзе, понимая, что здесь не пустишь пыль в глаза.

– Не каждому, кто пытается сделать добро, снисходит благословение. В нашем деле не только поступки, но и помыслы должны оставаться непорочными. Ибо один у нас Наставник – Христос.

– Важно не только подать милостыню, но и то, с какой мыслью ты милостыню подаёшь. Нет ли при этом гордыни или чванства. В Новом завете сказано: когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди.

Доктор Тосс посмотрел на Лебедева с живым интересом.

– Вы окончили...

– Финансово-экономический университет в Санкт-Петербурге.

– Чем надоела вам работа с туристами?

– Изо дня в день раздаю комплименты, расхваливаю курорты, а на душе пустота. Есть деньги, есть известность, лети в любую страну. А король голый...

– Нам нужны люди не только с преданным сердцем, но с преданными глазами. И преданными ушами. Вы понимаете меня?

– Конечно!

Московский гость доктору определённо нравился. В разговоре Платон Лебедев не старался угодить, чётко и ясно излагал собственную точку зрения на работу Лиги. Заметил, что труд специалиста в пансионате Лиги сродни труду священника в церкви.

– Интересно, интересно! – оживился Рагнер Тосс. – Этого мне никто не говорил. Намереваюсь приблизить к нашим стараниям церковную службу. Хочу построить за корпусами пансионата, где овраг, православную церковь, католическую, синагогу, мечеть и буддийскую пагоду.

– Подобное чудо видел на берегу Иссык-Куля, – ответил Лебедев. – Местный бизнесмен открыл там культурный центр «Рух Ордо». Создал маленькую планету: открыл больницу, плавательный бассейн, ипподром, театр! В театре вместо декораций открывается вид на озеро

и горы. Вокруг комплекса возведены храмы всех религий – мечеть, православная церковь и католический храм, синагога и буддийский храм. Возле построек цветут сакуры, а под ними скульптуры великих мыслителей. Рядом с буддийской пагодой установлен колокол желаний. Считается, если ударишь в колокол, заветное желание сбудется. В католической часовне удивляет картина о Святом Матфее, который, по преданию, проповедовал учение Христа на Иссык-Куле.

На прощание доктор Тосс крепко пожал Платону руку и сказал:

– На каждом из нас лежит большая ответственность, что заставляет тщательно подбирать и готовить кадры. Противники эвтаназии играют на обывательском мышлении, будто всё и всех можно купить. Примитивно и убого. Есть истинное служение Господу и простым смертным. Мы должны быть бдительными. Где гарантия, что к нам не придёт человек, злонамеренный, жадный до денег, и опозорит наше дело... – Помолчал, перебирая на столе бумаги, поднял голову и пристально посмотрел на Платона: – Я подаю свой голос за вас. А пока... Поживите в пансионате неделю-другую, присмотритесь, войдите в курс наших забот. За два месяца, они даются у нас на размышление, улаживайте дела в Москве, подумайте серьёзно и прилетайте...

Глава 8

Как можно догадаться, с доктором Тоссом встречался Владимир Колчин. Он затеял серьёзную игру и должен был завершить её с перевесом в свою сторону как опытный журналист, не подличая и никого не подставляя. Свою придуманную историю жизни Колчин обставил со всеми мерами предосторожности, понимая: слова и заверения к делу не пришьёшь, последует негласная проверка деятельности Платона Лебедева в Москве, а также в Санкт-Петербурге, где Платон учился. Руководство такой организации, как Лига Добровольной Смерти, не обвести вокруг пальца.

Позаботился Колчин о собственной безопасности. Договорился с офицерами Генерального штаба Министерства обороны придать ему группу опытных бойцов морского спецназа. Там вспомнили прошлое офицера Колчина, пошли навстречу. «Морские котики» прикроют в случае чего, помогут при надвигающейся опасности выбраться из пансионата. Таким тонкостям спецназовцев учить не приходилось, в каких только переделках ни побывали. Детали операции продумали тщательно, изучив местность и обстановку, в какой предстояло действовать.

Оформив документы и получив разрешение на выезд, команда спецназа вылетела в Упсалу заранее. Предстояло в короткий срок обжиться на новом месте, подыскать работу и затаиться до поры и времени, чтоб по сигналу тревоги прийти на выручку своему агенту, обеспечить ему надёжный отход. Благо, пограничные заставы России на близком расстоянии с моря и воздуха.

Расследование захватило Колчина, а делать что-либо в полсилы не в его характере. Работая в пансионате Лиги, Владимир старался войти в доверие, а способности доказать на деле. Он понимал, на какой континент ты бы ни уехал, проблемы с нравственностью сегодня везде одни. Рассуждаем и спорим о делах Лиги, а брачные агентства – разве не бизнес на жизнях красивых женщин?

Их продают неведомо кому, а хозяева невольниц поступают с несчастными, как им заблагорассудится. И редко когда доходит до суда...

В коллективе русского приняли. Расторопен, не завистлив, слов на ветер не бросает. Настырность и желание заглянуть в каждый угол расценили как профессиональную целеустремлённость. Тем более что забот у директора распорядительной службы хватало. В его подчинении охрана, кафе и столовые, снабжение отделений и лабораторий всем необходимым, встречи и проводы гостей, проведение официальных приёмов и брифингов.

«Сдюжим, – думал Колчин, внимательно изучая порядки, заводя знакомства и тор-моша подчинённых, заставляя их быть исполнительными и заботливыми. – Не такое выдерживали»... Менять профессию журналиста Колчину доводилось в Ираке и Сербии, в Афганистане.

С первых дней пребывания в пансионате Платон Лебедев сдружился с невропатологом Жаном Летерье из Реймса. Близки оказались характерами. Как говорится, родственные души. Жан никогда не поддавался унынию, находил выход из трудного положения и не мог долго расстраиваться или злиться. Вспыхнет иной раз, заведётся с полуоборота, обругает обидчика или недотёпу медсестру, а через минуту уже забыл огорчения, смеётся, рассказывает анекдоты. Подобное поведение некоторые расценивали как легкомыслие молодого человека, списывали на молодость.

– Перестань ребячеством заниматься, – поучает Жана доктор Эрик Теглер, коллега по работе. – Научись строже обращаться с подчинёнными. Твою доброту воспринимают за слабость характера и неуверенность в делах. Иной и работу выполняет спустя рукава, надеясь на ротозейство начальника, его беспечность.

– Почему надо быть держимордой? – вскипает каждый раз Летерье. – Не понимают доброты – их беда. Я уважаю этих людей, ценю их достоинство и надеюсь, что они поймут меня. Держать человека под колпаком страха – значит, унижать его, не давать возможности вытравить в себе раба. Помните, как Христос ответил фарисеям? По наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

– Эх, молодёжь... – отвечает с грустной улыбкой Теглер. – Скачете по верхам, а того и не видите, что под ногами зыбкая топь. Не удержитесь, и поглотит вязкая тина бытия...

– Зачем кланяться каждому встречному? – не сдаётся Жан.

– Запомни: лев боится петушиного крика... Царь зверей, а кукареканья не выносит.

– Как это понимать?

– Понимай в меру своего разума. Оглядывайся, когда права качаешь...

– А... – махнул рукой Жан. – Воду в ступе толчём!..

Разговорившись однажды, Платон узнал от Летерье, что в пансионат Лиги Добровольной Смерти Жан попал случайно. Окончив Медицинский институт во Франции, в родном Реймсе достойную работу по специальности Жан не получил. Какое-то время трудился на станции «Скорой помощи».

И тут наткнулся Жан в Интернете на сайт ЛДС. Пансионату Лиги требовались опытные врачи, в том числе и невропатологи. Созвонившись с дирекцией и переговорив, Летерье получил согласие на переезд в Упсалу.

– Мне здесь нравится, – сказал Жан. – Город в зелени парков немного напоминает мой Реймс. Собор и вовсе во французском стиле, как Реймский. Такие же шпили, фасады, кафедральный зал внутри со скамьями и нефами. Зайду иной раз, присяду на скамью и задумаюсь... Встаёт перед глазами композиция «Встреча Марии с Елизаветой» – справа от центрального входа в Реймский собор. Вспомню, и видится мама...

Жить в пансионате привык. Здесь столько интересных людей! Пусть они больны, пусть разочаровались в жизни, но они многое успели, им есть что рассказать. Пилот Алексей Жарков, к примеру. Кстати, он русский. Командир экипажа Ту-154. Самолёт потерпел аварию возле Новороссийска. Погибли пассажиры, пилоты, а он один уцелел. Радоваться надо, в рубашке родился, но Жарков не может смириться с гибелью людей. Считает себя виноватым и страдает.

– Со специалистами пансионата ладишь? – спросил Платон.

– Что нам делить? Чужое горе? Люди, скажу прямо, очень талантливые. Хирурги, терапевты, психологи. И совестливые. Им мало известных правил общения и ухода, они придумывают свои во благо клиентов пансионата.

– Чем же привлекает Лига? Солидным жалованьем?

– Зря так думаешь. Евро, конечно, нужны, – спокойно ответил Летерье. – У меня, допустим, есть возможность перевести маме пятьсот евро, а то и тысячу в месяц. Мне здесь много не требуется. Счёт имею в банке. Но главное – то, что мама в Реймсе, ни в чём себе не отказывает. Поверь, для меня это очень важно.

Летерье замолчал, видимо, вспомнил мать, представив, как одна тихо снуёт по квартире – пылесосит, смотрит телевизор, а телефон хранит и хранит молчание...

– Лига, как говорит наша русская Клеопатра, это Молох, ненасытная сила, беспрестанно требующая полной самоотдачи обслуживающего персонала, – продолжил разговор Летерье. – Если хочешь знать, самопожертвования. Не обладаешь такой ответственностью, эгоизм в душе, – лучше уйди. Кое-кто считает, что мы заложники этой силы. Совсем не так, мы служим людям, облегчаем их страдания.

– Всё ли уж так благополучно в Лиге, как подаётся? – Платон попробовал зайти издали и вызвать Летерье на откровенность.

– Конечно, случаются неувязки, возникают проблемы. Как и во всяком живом процессе. В пансионате закон: не позволяй себе усомниться в правильности избранного пути. Сомнение

– блуждание во тьме. Но здесь я могу убедиться, к чему годен по нравственности своей, проверить ум и успокоиться, осознав, к чему обязан стремиться, а в чём мои старания напрасны.

– Каждый должен понять, на что он способен, и не терзаться сомнениями...

– Правильно! – воскликнул Летерье. – Одному предназначено быть великим учёным, а другому надлежит осознать, что его призвание – дворник, уборщик дворовой территории. И не комплексовать, не зеленеть от зависти. И будет порядок. Ты прилетел из России, полагаю, реализовать свои возможности, подняться на ступеньку выше того, что свершил ранее.

– Философию чистого разума развёл! – засмеявшись, ответил Платон Лебедев. – Я приехал сюда, чтобы не жалеть после. Мол, проморгал вероятность удачи. Как бывает? Не свершит человек что-то из задуманного, а потом мучается сомнениями.

– И я о том говорю! Не прилетел бы сюда из Франции, и жалел бы в своём Реймсе: упустил момент.

– Но люди в Лиге разные! Может, кого и не устраивают порядки. Или то, что здесь твориться...

– Как в любом коллективе! Разумеется, есть сомневающиеся, есть и те, кто против миссии Лиги. Но они помалкивают в тряпочку. Они не праведники, не живут по принципу: ты друг мне, Платон, но истина дороже. – И засмеялся, довольный образным сравнением, имея в виду имя собеседника. – Место преступления – наш разум, – говорит доктор Теглер. И он прав. Какие волнения, какие взлёты и падения свершаются в нашем сознании!..

– Кто такая, как ты выразился, русская Клеопатра? – поинтересовался Платон.

– Ты бы её видел! Прекрасная женщина – красивая и глубоко верующая. Живёт, радуясь и получая удовольствие. И доставляя удовольствие другим.

– Египетских ночей любви мне только не хватает, – ответил Лебедев.

– Зинаида позволяет пережить их клиенту, который пожелал провести последнюю в своей жизни ночь с женщиной.

– Так она занимается любовью с клиентами пансионата?

– Только с клиентами Дома последней ночи. Для неё это как благословение. Одни утверждают, что Зинаида, проводя с клиентом последнюю его ночь в любовных утехах, пытается открыть для себя суть человеческой души, и, отдаваясь, продлевает это едва ли не с исследовательской целью, чтобы распознать мужчину в минуты, когда он полностью раскрепощён. Другие считают, что занятия сексом имеют для русской Клеопатры особую прелесть, позволяют испытать совершенно неповторимые чувства. Не знаю, где истина.

– Заинтересовал ты меня...

– Познакомить тебя с Зинаидой?

Льёт обложной дождь, на улицу не выйти. Деревья и кусты поникли, верхушки берёз, похожие на пряди девичьих волос, опускаются ниже и ниже, но не поддаются. Страхивая тяжёлую влагу, ветви распрямляются и раскачиваются, словно переваливаются из стороны в сторону.

У окна во всю стену сидит в кресле мужчина и неотрывно смотрит на берёзы. Ему лет сорок пять, он седой, а в глазах усталость. Пилот Ту-154 смотрит на поникшие берёзы, и сердце его сжимается от страдания. Бывшему командиру экипажа самолёта кажется, что деревья застыли в печали, горюют по невинно погибшим в авиакатастрофе. И не деревья то застыли, а женщины с поникшими головами стоят в скорбном молчании.

Жизнь для мужчины пуста и бессмысленна, он весь в ожидании решения консилиума. Смерть станет избавлением от невыносимых душевных болей, очищением и отпущением греха.

Детский отчаянный плач, крики о спасении, зов матерей, обращённый к Господу, – это неизбежно звучит в ушах, сжимает мозг и хочется бежать, бежать... Только бы не слышать голосов.

Когда смерть близка и неожиданна, каждый человек оказывается раздавленным ужасом. Но в самолёте, который падал, ужас на лицах пассажиров сменило страстное желание жить. Люди молили о спасении, они надеялись на чудо...

Заметив страдание на лице мужчины, Платон Лебедев не смог безучастно пройти мимо. В пансионате царит атмосфера сочувствия и поддержки. Если кто заметил, что клиент подавлен или пришёл в отчаяние, он спешит на помощь, старается отвлечь и успокоить.

– Скверная погода, – сказал Платон, чтобы завязать разговор.

– Нелётная... – ответил мужчина. – Низкая облачность, дождь...

– Жарков? – догадался Лебедев.

– Жарков. Командир экипажа разбившегося самолёта со ста шестидесятью пассажирами на борту. Наверное, читали в газетах о трагедии, а то смотрели по телевизору. Показывали обломки фюзеляжа, разбросанные по земле вещи... Погибли в основном дети. Летели на отдых...

– Экипаж сбил с курса и врезался в гору... – вспомнил Платон тот трагический случай.

– Сбил с курса... Да тем курсом мы летали десятки раз, и хорошо знали маршрут! С закрытыми глазами я мог вести самолёт и не ошибиться... Техника отказала! Сначала правый двигатель дал сбой и перестал работать, затем не выдержал нагрузки левый. Сбил с курса... Техника изношенная до предела, а владельцы авиакомпании слышать ни хрена не хотели, им бы деньги за билеты содрать. Количество рейсов увеличивается, экипажи имеют такую лётную нагрузку, что за голову хвататься... Сколько падает самолётов, а кто из руководства какой-то авиакомпании ответил? Отправлен за решётку хотя бы один директор или диспетчер? Сваливают на человеческий фактор и отделяются лёгким испугом, изверги... Жаль, нет больше Сталина...

Чувствовалось, что Жаркову хочется поговорить с незнакомцем, излить наболевшее.

– Самолёт технари купили на Украине. Развалюха, как говорится, но выгадали несколько миллионов долларов. Доллары поделили, а Ту-154 поставили в график полётов. Гоняли до последнего. Утром проверка, как это положено перед рейсом, автопилот бездействует. Тормозные щитки не работают. Устранить необходимо неисправности, но начальство успокаивает, мол, поломка не ахти какая, вчера обошлось, повезёт и сегодня, сгоняем туда и обратно по маршруту, а завтра загоним самолёт в ангар. Рапортуют по шаблону: технический досмотр машины произведён, никаких неполадок не обнаружено.

Горючее в тот день заправили полностью. На душе тяжесть... Не хочется лететь и всё тут. Мне бы отказаться, сославшись на технические неполадки, а не посмел. Побоялся спорить, пожалел экипаж – с работы могут вытурить. Пассажиров, детишек, их не пожалел... Люди погибли, а я уцелел. Скажи, как такое могло случиться?

– По теории вероятности. Один из миллиона случаев, когда в подобной аварии кто-то остаётся цел и невредим...

– Вылетел через расколовшееся лобовое стекло. Как футбольный мяч...

– Так определено Высшим Разумом. Бывает такое: человек спешит на теплоход, а попадает в полицию. И опаздывает. Судно уходит без пассажира и терпит кораблекрушение. Все, кто находился на борту судна, пошли на дно. А тот, кто опоздал на теплоход, остался живой...

– Так-то оно. И всё же случайностей не бывает. Правильно подметили: каждый наш поступок предопределён Высшим Разумом. Только мы не придаём значения, не анализируем свои действия. Я остался в живых, чтобы ответил кто-то за невинные души, испил горькую чашу до дна в назидание другим.

В полёте отказал правый двигатель. Связались с авиадиспетчером, доложили обстановку. Нам в ответ: «Разворачивайтесь на шестьдесят градусов к югу и постарайтесь сесть на ближайшем аэродроме. Там готовы принять вас».

На развороте заглох левый двигатель. Самолёт начал падать. Пассажиры буквально вдавило в кресла. Многие потеряли сознание. Кое-кто взял детей на руки, начал молиться. Последний раз вышел на связь с пассажирами.

«Уважаемые пассажиры! – сказал им в утешение. – Мы постараемся сделать всё, чтоб обеспечить посадку. Пристегните ремни, сохраняйте выдержку».

Попытались связаться с диспетчером, но ответом было молчание. Бортовая система электропитания бездействовала. Оставалась надежда дотянуть до моря и сесть на воду. Сколько удастся продержаться, никто сказать не мог. Подтверждаю: паники не было.

Но тут поднялся встречный ветер, и начал прижимать самолёт к земле. Напряжение в кабине пилотов на пределе.

«Держать глиссаду! Держать глиссаду!» – повторял я.

Впереди выросли горы и быстро приближались. Мы падали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.